

1.190.197

В. П. Федорова

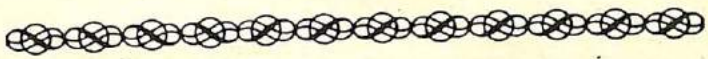
Свадьба на Ирюме

63.52 (236)
Ф 33

63.52(236)
Q 33 +

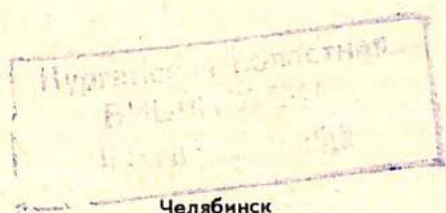
В. П. Федорова

Свадьба на Ирюме

1. 190. 197

Челябинск
Южно-Уральское
книжное издательство
1991

Рецензент:

А. И. ЛАЗАРЕВ, зав. кафедрой фольклора и литературы
Челябинского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор

Федорова В. П.

Ф 33 Свадьба на Ирюме. — Челябинск: Юж.-Урал.
кн. изд-во, 1991. — 128 с.: ил.

В книге рассказывается о свадьбах, досвадебных и после-
свадебных обрядах, обычаях бывших старообрядческих
сел по реке Ирюму Курганской области, записанных по вос-
поминаниям старожилов в 80-е годы XX века.

Ф 4604000000—019 42—91
М162[03]—91

ISBN 5—7688—0290—8

ББК 63.5

© В. П. Федорова, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Традиционная русская свадьба — драгоценное наследие духовной культуры нашего общества. Она отразила историю русского народа, его художественно-эстетические и этические представления, своеобразие общественных и семейных отношений, особенности быта, неписанные юридические законы. Словом, свадьба — богатый источник познания человека во всей многоплановости его бытия.

Как сложный комплекс народной культуры свадьба слагалась веками, опираясь на опыт древнейших форм брака и поэзии. Поэтому в нее вошли явления поэтического осмысления жизни язычеством, а также черты жизни давно минувших догосударственных эпох. Вместе с тем свадьба — живое явление, подобное человеку, его мысли, сердцу. Она обращалась к тому новому, что появлялось в жизни, отражала черты человеческого бытия, характерные для отдельных регионов.

Историческая многослойность свадьбы — свидетельство бережного отношения народа к традиции, к накопленному опыту веков, который бы нам не растранижировать надо, а приберегать для формирования новой обрядности. Корни неудач по созданию новой свадьбы, наверное, и в том, что не учитываются местные традиции, региональный опыт. Ведь и в старинной свадьбе при ее общерусском сценарии было великое множество вариантов, отразивших местные условия.

В этом отношении региональная свадьба представляет собой интересный источник познания определенного края, села, отношения народа к своему прошлому, в том числе к поэзии.

Предлагаемая книга познакомит со свадьбой бывших старообрядческих сел по р. Ирюму на северо-востоке современного Шатровского района Курганской области.

Обратимся к небольшой исторической справке.

В середине XVII века патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича начал проводить церковно-обрядовую реформу, имевшую цель усилить власть патриарха и церкви. Реформа коснулась обрядов религиозных служб и церковных книг. Так, было введено троеперстие вместо двоеперстия, а вместо двухразового произнесения «аллилуйя» — трехразовое. Земные поклоны заменены поясными.

К тому времени обнаружилось расхождение русских богослужебных книг с современными им греческими образцами. Началось исправление русских книг, которые, как обнаружено позже, отошли от старинных образцов меньше, чем греческие. Реформа вызвала резкое несогласие различных слоев, тем более, что нововведения проводились насильственными мерами. Движение против реформы Никона получило название раскола. Защитников старой веры стали называть старообрядцами, раскольниками, а с XVIII века еще и двоеданами в связи с повышенным налогообложением в петровское время. К расколу прикнута часть высшего духовенства, представители княжеских и боярских родов. Большую часть его составляли крестьяне и посадские люди, увидевшие в реформе Никона усиление феодального гнета.

Но и религиозная верхушка вместе с царем увидела в расколе грозную опасность социального протеста, поэтому церковный собор 1666—1667 годов предал старообрядчество анафеме как еретиков. Опасения властей имели основание. В 1668—1676 годах вспыхнуло Соловецкое восстание защитников старой веры, переросшее в антифеодальное движение. В 1670 году началась Крестьянская война под руководством Степана Разина, в которой активное участие приняли и старообрядцы. Это вызвало свирепые преследования раскольников со стороны новой церкви и государственной власти, что привело к их массовому бегству на Север, в глухие леса Поволжья, в Сибирь и даже за пределы России. В новых местах старообрядцы, идеализируя прошлое, стремились сохранить старинные формы быта и обряды, завещанные дедами-прадедами. Вот почему в свадьбе старообрядцев находим отпечаток глубокой старины. Содержание части обрядовых действий давно забыто, но они продолжают бытовать просто как форма.

Описание свадьбы дается по записям фольклорных экспедиций Курганского педагогического института, работавших по Ирьюму в 1985—1990 годах. Нас интересовала и обрядовая сторона свадьбы, и ее поэзия. Кроме того, свадьба связана с различными сторонами жизни человека, поэтому предлагается описание ряда этнографических явлений. Нельзя отделить этот важный обрядовый комплекс от досвадебных и послевадебных обычаев и обрядов.

Старожилы сел по Ирьюму охотно рассказывали о своих свадьбах и свадьбах односельчан 20—30-х годов. Но рамки бытования свадьбы можно расширить, так как наши инфор-

манты хорошо помнят рассказы матерей и бабушек о свадьбах конца XIX и начала XX вв. Хотя в конце 30-х годов свадьба по Ирьюму крепко разрушилась, все-таки и в 50-е годы некоторые свадьбы игрались по старинке.

Материал записей приведен в соответствии с современным литературным языком. Однако в ряде песен сохранены некоторые диалектные нормы произношения: «благословлённой, милоё», «благослови-ко», чтобы не разрушалось песенное единство.

В конце книги помещены словарь устаревших и малоупотребительных слов, а также примечания к текстам и сведения об информантах.

Искренняя благодарность знатокам свадьбы Леонтьевой Е. Е., Ядрышниковой З. В., Горбуновой М. С., Александровой Ф. И., Неустроеву М. Я., Фунтовой В. С., Вагановой Д. П., Неустроевой Е. Г. и др.

Спасибо за добрые советы проф. А. М. Новиковой, доценту Т. В. Зуевой.

В. ФЕДОРОВА

БЫТ И ПРАВЫ ПОИРЮМЬЯ

Из родниковых ручейков начинается Ирюм. Вода в нем студеная, ясная, свежая. Такой и добегают она до Ишима, а дальше сливается со струями Тобола. Пологие берега ведут за собой рощицы, пойменные луга, леса. Разнотравье густо наполняет запахом меда жаркий день. Сухо, чисто, просторно, только вдали темные стены леса. В этом краю остановились старообрядцы, называвшие себя двоеданами. Сказывают, что раньше грамотные старики вели семейные родословия, чтобы не потерять корни рода своего в людском море. Не сберегли родословия, потомки бывших поселщиков здешних мест вынесли из дали времени одну тоненькую ниточку памяти о том, что их деды-прадеды из Соловецкой земли. Е. М. Спирина уточнила: «Там еще Соловецкий монастырь есть». К сожалению, достоверных, документальных источников об этом не обнаружено. Но, видно, в народной памяти есть истина. Дело в том, что быт старообрядцев по Ирюму перекликается в некоторых чертах с бытом русского Севера. В частности, однотипен характер постройки домов. Ставились они высоко, в два этажа, с высоким крыльцом и обязательным голбцем (погребом под домом). Бревна в обхват не возьмешь. Все основательно, крепко, благо, что лес немереный. Была бы только матушка-сила... А работа, она и есть работа. Глаза бояться, а руки делают. Сушит не работа, а забота.

Как и на Севере принято, новые поселенцы украшали дома деревянной резьбой крупного рисунка. Подосшедшего к дому и сейчас встречает хоровод из 6—8 солнц, играющих на воротах лучами. На наличниках окон маленькие солнца вытянулись в линейку, подобно

тому, как в былые времена девчата и парни летними вечерами за селом ходили стенкой и пели «Сырой бор горит, разгорается».

Окон много, чтобы в доме было светло. В этом суровом, с долгой зимой краю солнце — дорогой, желанный гость. А летом, когда оно высоко-высоко, лучи его задерживают широкие карнизы. Во всем видны знания, опыт, мастерство, вкус и золотые руки. Все продумано и славно сделано.

О русском Севере напоминает красная вышивка. Кто знает, что вынесли поколения старообрядцев, потомки которых поселились по Ирюму. Какие пути-дороги они прошли, прежде чем осели в благословенном месте? Откуда такое резкое различие во внешности? Леонтьевы, Ядрышниковы, Александровы, Самохваловы — явно русские. У Гордиевских лица под стать фамилии: утонченные, смугловатые, с горделивостью; чуть вытянутые коричневые с золотинкой глаза. Водопад темных волос. И вдруг огненно-рыжая голова, как солнышко, щеки и нос в конопушках. Зато улыбка на 32 зуба. Ответа пока нет. Однако не исключено, что путь в Зауралье был не прост, а через Польшу, как у семейских Забайкалья. Семейские — потомки старообрядцев, бежавших в Польшу после раскола русской церкви в середине XVII века от преследований царской власти и сторонников новой никонианской церкви. В Польше они основали русские поселения — Ветку и Стародубье.

Прошло 100 лет. Осваивалась Сибирь, росла нужда в переселенцах на здешние земли. Тогда и вспомнили о «польских» староверах. Вполне подходящий народ: живут кучкой, работают не за страх, а на совесть, не пьют, не курят. Чего лучше искать, тем более, что и по вере они вне закона. Значит, уговаривать не нужно и на посулы не тратиться. Так, скорее принудительно, чем своей волей подались за Уральский Камень целые деревни. Одна группа «польских» староверов осела в За-

падной Сибири, а других погнали дальше на восток. Может быть, поселщики по Ирюму были частью этой группы. В их свадьбе много общего с семейской. Кроме того, на влияние Польши указывает мужская стрижка, которой старики придерживались еще и перед Великой Отечественной войной. Называлась она «под фонбарку» и напоминала стрижку католических священников — тонзуру: выстригалась макушка, особенно тщательно перед праздниками. Волосы оставляли вокруг головы сантиметров 6—7. Капа Самоновна Мокина поясняет: «Так подол платья еще украшали, фонбарку пришивали». Попытка назвать фонбарку бахромой вызвала категорический отпор наших собеседниц: «Нет, фонбара».

«Под фонбарку» стригли и мальчиков. Молодежь и мужчины среднего возраста стали пренебрегать этой модой уже в первые послереволюционные годы, причесываясь каждый на свой вкус, стремясь не отстать от времени.

В Ильине эту стрижку считают старинной: «Еще когда шиш антихристов Никон издевался над истинной верой». В устной передаче от поколения к поколению живет такое предание: «Двоеданы, значит, платили две дани. Царю платили, кому же еще! Хоть бы за доброе, а то за волосья. Давно было. Схватили стариков по наущению царя и давай их стричь. Старики, понятно, старой веры. Они и давай просить, чтобы не брили их наголо, пообещали платить две дани. Одну дань они уже, как все, царю уплатили. А тут вторую пообещали. А уж их почти начисто обкорнали, осталась только фонбарка. Царь согласился на две дани, но чтобы впредь носить столько волос, сколько их осталось, когда старики взмолились. Осталось-то только и всего, что фонбарка».

Не с польским ли влиянием связано имя Клеопатра, которое соперничало с такими именами, как Васса, Дросида?

По Ирюму засельщики садились плотно, село к селу, как будто плечом к плечу: Ирюм, Самохвалово, Спас-

ское, Ильино, Дружинино, Саламатово. К Тюменской земле отнесено теперь старообрядческое село Березово. Недалеко от ирюмских сел прижились Яутла и Помалово — тоже старообрядческие. И сейчас старожилы считают себя сибиряками, пожилые женщины по-сибирски называют друг друга «старунями».

В землю вращали серьезно, навечно. А вокруг шумела тайга, привлекающая и пугающая бескрайностью. В ней виделось и спасение: угол лесной, медвежий, далеко от начальственного глаза и городского соблазна. Ближайший, Шадринск — городок за 150 верст, до Кургана еще дальше. Не близко и до Тюмени. И все-таки кладбища с часовенками обустроивали километрах в 5—7 от села. Стратегия. Даже если и падет напасть — приедет мирской начальник, до кладбища ему еще добраться надо. Тем временем можно управиться с похоронами по старинке, не нарушить заветы дедов, отслужить службу по-своему, как Аввакум приказывал.

Пахали землю, сеяли хлеб, лен, мак, коноплю. Около дома сажали всякую огородину. Из лесу несли черемуху, вишню, шиповник, бруснику, чернику, костянику, грибы, хмель. Поляны манили клубникой. Ходили гурьбой, боясь потеряться. Вон дядя Вассы Зотеовны Фунтовой пошел в лес один и потатарился. До революции дело было, долго искали, а все напрасно: «И по нонь нет. Да где в таком урмане найдешь? Урман он есть урман, не все в нем разгадаешь».

Рождались дети, раздвигались села. Во главе каждого села стоял уставщик (начетчик, наставник, старичок, дедушко) — глава религиозной верхушки. Правда, он в большей мере контролировал только нравственную жизнь села, но глаз держал на всем: от рождения человека до смерти. Главной задачей каждый уставщик считал неукоснительное следование заветам старины. Ослушники наказывались строго: на них накладывалось «эпитимье» (эпитимия). В основном «эпитимье» сводилось к земным поклонам, да таким, чтобы лбом об пол стукнуть. Малую меру уставщики не знали, налапали

сотнями — до тысячи. У каждого человека имелась своя лестовка — самодельные четки из тканого полотна. Полоска ткани выстрачивалась поперек — бобочками, по которым велся счет. Лестовка крепилась треугольным клинышком, так что не собьешься. Лестовки имели 60—100 бобочков. Один поклон в землю — бобочек долой. Выпрямился, перекрестился, снова в пол лбом — второй бобочек отсчитал. И так, пока рука не дойдет до треугольничка, откуда и начинался счет.

Блюстителем «древлего благочестия» были и женщины. Заповедь «Не нами заведено, не нам кончать» сохраняли неукоснительно.

Шла первая мировая война, села провожали мужчин в солдаты, содрогался старый мир, а по Ирюму по-прежнему народ держался обособленно. Приходили люди чужой веры — мирские, но селились поодаль. Спаси бог, если мирские своим ведром зачерпнут воду из колодца. Надо тут же вычерпать сорок ведер своим истинно христианским, чистым ведром. Знать, только сорок ведер воды и запоганено! Иногда приходил дедушко и святил после этого очищения колодец. Для мирских держали отдельную посуду и специальную лавочку. Хотя лишний калач всегда пекли для наvertsыша и по местным обычаям оставляли на оконце заднего двора (мало ли по сибирским дорогам идет люду), к столу посторонних не приглашали.

Не было единства среди двоеданов даже одного села. Так, в Ильине отдельно держались дырники и тополевы. Дырники молились не на божий лик, а на солнце и месяц, просверлив дыру в доме. Надо было горько разочароваться в слове проповедников и изображений бога на доске, чтобы обернуться назад — к язычеству, к верованиям давно прошедших времен. Отпечаток религиозных отпавлений дырников остался на кладбище. И сейчас в Ильине сохранились «дырники» — кресты на могиле дырников. Они отличаются от обычных двоеданских только круглыми сквозными отверстиями на столбе. В одном из них оглядка назад особенно отчет-

лива. Крест старинный, теперь уже «ничейный». Могучий столб вырублен по форме человеческого тела — с плечами, шеей, головой. Напоминает он древние надгробия — идолы. Отличие одно: там, где положено быть сердцу, столб «прострелян» двумя сквозными пересекающимися дырами.

В воспоминаниях ильинцев живет память о тополевах, поклонявшихся тополю. Здесь показывают тополь, в который была когда-то врезана икона, так и вросшая в дерево; затянута могучей его силой. В Саламатове давно насажена тополевая роща, где еще лет 50 тому назад собирались на большие религиозные праздники всем миром. В Яутле и сейчас сдают грехи березе.

Толкователи старой веры не всегда соглашались с главным уставщиком и обрастали своими сторонниками. В 30-е годы в Ильине было три толка: авдеевщина, тихоновщина и демидовщина — по именам их основателей Авдея, Тихона и Демида. Спор их упирался в количество стихов, читаемых во время службы. Тихоновщина признавала 40 стихов, авдеевщина — 27, а демидовщину клонило то к тем, то к другим. Авдеюшко был малограмотным, устав знал плохо, но своих противников обличал в невежестве, ереси, в прислужничестве дьяволу. До недавнего времени верующие разных толков поминали за упокой своих уставщиков, считая только их учение истинным. Когда в начале 80-х годов умер единственный уставщик на всю округу, к голосу которого вынуждены были прислушиваться сторонники разных толков, вышел конфуз. Собрались к его домовине каждый со своим уставом. Остановить старушек уже никто не мог, «авторитет» лежал в белом саване. У каждой свои знания и правила, которые почитались ею как истина в последней инстанции. Заспорили, завздорили, как девки в клубе на спевке...

При всей разногласии толков старообрядцы по Ирюму довольно долго сохраняли старинные традиции и обряды. Во всяком случае, до революции дошли неразрушенными свадебный и похоронный обряды. Не-

зыблемым было требование носить одежду старинных образцов. В соседних селах девушки надевали модные тогда парочки — юбку и кофту из одного куска ткани. Модницы наряжались в юбки и кофты разной расцветки, а по Ирюму всякие попытки заменить лямочники и сарафаны на модную одежду пресекались. Тайком сшитую юбку или кофту девушка иногда успевала надеть, а иногда и нет. Летела мечта под топор. Мать в крошево рубила ненавистные ей вещи, сплевывала с приговором: «Сгинь, пропади, проклятое». Под топор летели кепки, шляпы: «Сгинь, пропади, проклятое». А дочерям коротко приказывалось: «Надевай лямочник, ино сарафан носи». Носи его — лямочник-то! Весу в нем полпуда — из восьми полотен шит. И собой не покрасуешься. Кто его носит теперь! Но надевали и на праздник, и в будни. А куда денешься — не своя воля. Воля батюшкина, воля матушкина.

Лямочник, в нашем понимании, — сарафан с неотрезными бретельками без лифа. Все кроится из цельного полотна. Выкроены прорезы для рук и мысик на груди — вот и вся работа. Цвет лямочников — черный, серый, бордовый, синий, темно-зеленый, вишневый, свекольный. Под лямочник надевались рукава — полукофточка с длинными рукавами. Рукава шились из облегченной ткани более ярких цветов. Ворот рукавов просто подгибался — «ошейником». Воротнички по старым заветам не допускались — от лукавого.

Лямочники и рукава почитались как истинно русская, старинная, освященная традицией одежда. В лямочниках справлялись свадьбы, молились и приходили на похороны. Более поздней одеждой считался «сарафан» — это то, что в нашем обиходе называется платьем. Саму форму одежды приняли, оказалась совсем неплохой, удобной, но слово «платье» отринули по причине его антихристового, иноверческого звучания. В пику «дьявольскому наущению» выбрано старинное слово «сарафан», обозначавшее некогда мужскую одежду.

Этим словом и называли обыкновенное платье без воротничка. Сейчас сарафанами называют бабушкины платья и внучкины сарафаны.

Революция, гражданская война взбудоражили край, а имена новорожденным часто давались по старинке: Фросида, Филисата, Маремейя, Васса, Зотей. Но и в этой области время брало свое. Мало кто отважился на речь своего ребенка Пудом, Евстратием, Екиндином. Матери норовили пустить в жизнь детей с именем не из самой глухой старины, а с тем, что было на слуху большой округи: Екатерина, Анна, Ефросинья. До Людмилы, Светланы, Зинаиды, Раисы дело не доходило.

Чем дальше, тем больше рушился старый мир. По краю прокатилась сплошная коммунизация. Замаливая свои произвольные грехи и грехи детей — внуков своих, шли кондовые старообрядцы в общественную столовую, ели приготовленное чужими руками, из чужой посуды. Сокрушались старики, а молодежь раскрепощению радовалась, хоть и держали при коммуне родители ее на коротком поводке.

И на крутых поворотах жизни сберегли старообрядцы свою старинную свадьбу. Старинную — значит, с песнями, банями, конями, невестинной чистотой, вечеркой. Но и усилия не спасли старинный обряд. Каждому времени — свои песни. Так, в Самохвалове последнюю свадьбу по старинке играли в 1958 году. «Настоящей» свахой невесты была Ефросинья Григорьевна Неустроева. Было ей тогда 34 года.

Законом человеческой жизни считался брак, семья, дети. Редко кто оставался век вековать в одиночестве. Но если случалось девке остаться в вековухах, то почитали ее всем миром. За ней закреплялось звание «кочка», т. е. духовная тетя. Такой она оставалась для всех, кто моложе ее.

Нравы были строгие, гулливых осуждали. Любительницу посидеть то с одним, то с другим, то с пятым-де-

святим парни запирали на ночь в «светлицу». После «светлицы» замуж выйдешь разве что за бобыля или за кого непутевого. «Светлица» — место плохое. Это бревенчатая избенка без окон, стоявшая за каждым селом. В нее вносили покойников, умерших неестественной смертью: утопленников, удушенных, самоубийц. Из «светлицы» несли их хоронить вдали от кладбища. Словом, «светлица» — это то же самое, что московские божьи дома — божедомки. Посидеть ночь в «светлице» и страшно, и позорно.

Знакомство молодежи

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прежде чем честным пирком да за свадебку, нужно молодежи познакомиться, хотя бывали случаи, когда приезжали сватать не знамо кого: нахвалили близкие, знакомые. Бывало, что у жениха и невесты не спрашивали согласия на брак. Ничего, стерпится-слюбится, не вы первые, не вы последние. Однако это для ирюмцев не правило, а исключение. Рубили дерево по себе — в своем селе и в округе. Много браков заключалось между односельчанами. От этого в каждом селе — всего несколько фамилий. В Дружинине что ни дом, то Лыковы. В Самохвалове — Неустроевы, в Ильине — Леонтьевы, Гордиевских. В своем селе выгладеть половину для жизни легче. В весенние, летние праздники водили стенки. Их знают в центральных губерниях как танки. Парни и девушки шли линейкой под песню, взявшись за руки. Над Ирюмом разносилась песня «Сырой бор горит, разгорается». Допев песню, девушка из крайней пары снимала с дроли фуражку, надевала на себя и переводила его на другой конец стенки. Пели, пока стенка не перестроится:

Сырой бор горит, разгорается,
Мой сердечный друг разнемогается.

Разнемог мой друг да в постелю слег,
Он не ест, не пьет, только чай да с сахаром.
Захотел мил-друг со льдом воды,
Со льдом воды да со Дунай-реки.
Во первом часу я за водой пошла,
Во втором часу воду черпала,
Воду черпала да ведра ставила.
Ко мне весть пришла да нерадостна,
Весть нерадостна да непорядочна,
Что мой милый друг переставился.
А во третьем часу я домой пришла,
Вижу, милый друг переставился.¹

Раскрывались человеческие характеры на супрядках-посиденках, святочных и свадебных вечерках. Получив от матери задание, бежали девчонки к оговоренной избе, только снег скрип-скрип, скрип-скрип. За пазухой — работа. Сначала как заведенные работали. Веретешки вжи-ик, вжи-ик. Прялок-колес не было. Поскорее справиться с уроком, иначе завтра будешь куковать дома. И работа будет, только без подружек и ребят. И веретено будет пудовой гирей висеть, и тошнехонько, оди-нехонько, а куда денешься? Так и сказано: «Что руки сработают, то спинка износит». Вместе со всеми весело. Глядишь, и парни подойдут, попросятся:

Самохваловски девчонки —
Баночки, коробочки,
Если жалко вам ребят,
Пустите на вечерочки.

Девчонки помалкивают. Парни снова да ладом:

Девочки, девчоночки,
Пустите на вечерочки,
А и не пустите вы нас,
Да пообидимся на вас.

Если не хочется долго томить парней, можно сразу пригласить:

Проходите, господа,
Пол не проломите-ка,
У нас в голбеце вода,
Да вы не утоните-ка.

А то и котятками можно поугагать:

Проходите, господа,
Пол не проломите-ка,
У нас в подполе котятка,
Вы не задавите-ка.

Иногда парни подзадоривали девчат, намекая, что есть более интересная компания:

За рекой вечерочки:
Да двадцать две девчоночки.

На это задорно несло из избы:

А нас восемь, ничего,
Сидим тоже весело.

Здесь и определялись человеческие симпатии. Они выражались не словами, а символическими действиями. Самое простое объяснение в чувствах — сесть рядом. Если парень пересаживался к другой девушке, то явно демонстрировалась измена. Понятна горечь частушек:

Все пришли, все пришли,
Все по лавкам сели,
А моёго дорогого
Черти с квасом съели.
Иль ты, боля, окосел —
Не к той девушке подсел?
— Я совсем не окосел,
Куда надо, туда сел.

В Ирюме и Самохвалове парень снимал с прялицы своей матани немного льна, шерсти, скатывал в шарик и зажигал. Это понималось как намерение сватать. Признанием в любви был подарок. Дарили чаще веретена. Насмешкой над нелюбимым звучала частушка:

Боля мой, боля мой,
Веретешки точит,
Целоваться не умеет,
Только губы мочит.

Дарили матаням и гребенки. Этот обычай закрепился в частушках:

Боля свататься поехал,
Я по горенке мела
И тихонечко спросила:
— Где гребелочка моя?
Говорите, говорите
Речи говореные,
У меня на голове
Гребелочки дареные.

Девушки одаривали дролей вышитыми портянками. Вышивались портянки тайно. В нравах зауральцев считалась обязательность тайны подарка. Хотя эти правила и обязывали одариваемого молчать, все знали, кто подарил. И опять же все делали вид, что имя подарившей неведомо.

Парень, получив портянки, наматывал их на ноги, а вышитые концы напускал на сапоги, показывая тем самым, что его любят, что он не в поле обсевок. Если девушка медлила с портянками, парень просил подарок.

Охохони, вышли кони,
Наши да Егоровы,
Боля просит на портянки
Шторы коленокоровы.

Неумение вышить портянки считалось неприличным. Досадуя на соперницу, можно было укорить ее плохо подготовленными портянками:

Грубьянка шьет портянки
В огороде, лебеде,
Интересные портянки:
Из аршина вышло две.

Можно было и, напротив того, показать, что соперничество не трогает:

Грубьянка шьет портянки,
Вышивает букетами,
Приходи ко мне в субботу
Накормлю конфетами.

Вышить портянки — дело хитрое. Во-первых, у матери надо украдкой взять холст. Рулоны холста (трубы) зарублены. Отрезать от них (зарезать трубу) надо так, чтобы не заметили. Значит, материну зарубку следует повторить точно. Во-вторых, вышить тайно. Да и подарить без посторонних глаз. Ничего, управлялись, а в частушках подсмеивались над своими ухищрениями:

Рассуседки-бабоньки
Насказали мамоньке,
Насказали на меня,
Что портянки шила я.
Мамонька поверила,
Пошла холсты проверила:
— Не зарезана труба,
Не виновата дочь моя.
Ой, не зарезана труба,
Не виновата дочь твоя,
А я дома не посмела,
Пошла в людях заняла.

Парни приглядывались и к девкам, и к их работе. Помнили давний завет: «Красота приглядится, умок пригодится». С нетерпением ждали святок: можно на суженого погадать, попеть-поскакать, других посмотреть, себя показать.

Гадания

Время гаданий — не только святки, но и ночь под крещение и под новый год. Гадала, в основном, женская половина. Уставщики наказывали за гадания, да разве живую душу закуешь в железные рамки запретов. Семь бед — один ответ. Все равно эпитимья не избежать. За свадебные вечерки наказание будет наложено. Это точно. Веселье на святках старичок не забудет. Больше тысячи земных поклонов не даст, а меньше 500 тоже не жди. Так что веселись, душа. Ходи изба, ходи печь! Замаливать потом. Небошь, спина не переломится. А если не стучаться каждым поклоном в пол, так и лоб не вспухнет.

Гадать собирались только девушки. Родители разрешали занимать малушку — летнюю кухню, но они норовили гадать в погребе. Гадали на воду и снег, человеческий голос и собачий лай, петуха с курочкой и тараканов, пимы и забор, кольцо и гребенку, собаку и птичку, кошеву и коня, яйцо и дугу. Была одна явная примета, по которой знали, далеко ли замуж идти. Если волосы надо лбом росли низко, так замуж идти недалеко. Если лоб открыт, то идти в замужество далеко.

В гадания верили, хотя уже в 20-е годы нашего века в них явно был элемент игры, забавы. Феония Филипповна Теплоухова из Самохвалова ссылается на свой опыт, когда гадание попало в цель: «Поймала таракана, посадила в свой чулок, крепко завязала, чтоб не убег, сунула под подушку и наказала: «Кто мое суженое-ряженое, того в гости приводи». Изладила так-то, вижу во

сне, будто приезжает на рыжей паре мой знакомый Степан. За него-то в этот же год ушла замуж убегом».

А то еще надо взять дугу без колокольчика, поставить ее на дороге в снег. Потом завязать глаза, встать на четвереньки и стараться пролезть через дугу с разговором: «Где мое суженое, где мое ряженое, где есть моя судьба, туда бы я попала». Если кто проползет через дугу, то выйдет замуж, если мимо, то и судьба мимо. Всем по очереди глаза завязывали. Какая ползает-ползает, в дугу никак не попадет. Вот смеху-то было».

Е. Г. Неустроева по забору узнавала, большая ли будет семья. Подошла к забору, обхватила столько, сколько рук хватило, и начала считать тычинки. Сколько тычинок, столько человек будет в семье. Ошибочка вышла, семья оказалась значительно меньше.

В Ирюме Коркина Афанасия Михайловна гадала на свинью. «Завяжут девки глаза друг дружке в овине и ловят свинью. Если схватит которая за брюхо, то замуж пойдет. А еще брали носилки для соломы, шли на скрестки, ставили их стоймя и загадывали. В какую сторону упадут, туда и замуж».

По всему Ирюму гадали на курочку и петуха. На пол ставили воду в чашке, зеркало и зерно, выпускали курицу, загадывали судьбу кому-нибудь и выпускали петуха. Если он кинется к зерну, будет муж хозяйственный, если к зеркалу — будет только собой красоваться, а если к воде — то пьяница. Если подойдет к курице — жди со стороны будущего мужа заботу, если не взглянет на нее, то ничего хорошего не предвидится, не будет любить.

На молчаной воде, принесенной во рту, 12 девушек замешивали каждая себе тесто. Делали колобки, раскладывали на полу и выпускали собаку. К какому колобку сразу подойдет, хозяйке его первой замуж идти.

Красив ли будет муж, тоже пытались узнать. В полночь выскакивали во двор, подбегали к поленнице, зажмуривали глаза и хватали полено. Если оно будет гладкое, то жди суженого пригожего, если корявое, то и суженый не будет пригож. Хотя с лица воду не пить, но все-таки лучше, если пригож.

Считалось, что чаще сбываются гадания, проводимые в погребке. Так думали в Самохвалове. Но зато уж и страху было! К гаданию нужны были стакан, кольцо, нитка, два зеркала и молчаная вода. Весь секрет в том, чтобы не произнести ни звука, когда несли воду из самого чистого колодца. Кто бы ни встретился, кто бы ни окликнул, что бы ни случилось, нельзя оглядываться и говорить. Молча спускались в погреб, когда время клонилось к полуночи — самое страшное время. К тому же крест нательный оставался дома. Собирались небольшими компаниями. У каждой гадальщицы своя вода и свой стакан. Лучше, если есть свое кольцо. На нет и суда нет, можно и одним пользоваться. Волосы, конечно, распущены. Лучина чадит, потрескивает, копотно, боязно.

Правила гадания знали назубок. Кто уже гадал со старшими, кто по рассказам.

Поставив перед собой стакан, бросив на дно колечко, глядеть в него, не моргая, пока не прокапают три слезы. Загадать: «Суженый-ряженный, покажись» — и глядеть в кольцо. Только покажется он, сразу накрыть ладонью стакан, иначе беда, черный убьет...

Другое погребное гадание еще страшнее, потому что требует ловкости. В стакан опускалось на нитке кольцо и загадывался суженый. А уж три слезы до этого тоже должны прокапать. Как только увидишь суженого, нитку сразу надо перерезать.

Некоторые садили между двух зеркал перед молчаной водой, наводили на зеркало лучину. Три слезы до загадывания суженого обязательны. Как только появит-

ся суженый, в нужный момент положить зеркало «лицом» вниз.

«Гадали до угару. Вылезем из погреба, уж дружку боимся. Все в саже, лохматые, не лучше черненьких», — говорит Фелисата Ивановна Александрова.

Была еще мода на бумагу гадать. Скомканную бумагу поджигали на блюде и толковали тень на стене. Что покажется, то и сбудется: кому мужчина — то за муж идти, кому дом — дома сидеть, кому крест — к смерти.

Кроме того, писали три имени на бумаге и натирали сухим мылом. Имя суженого через мыло должно было проклянуться сильнее.

Гадать гадали, а привораживали редко, в основном, на дым. Дело это черное, лучше не связываться, разве только случай крайний прижмет. А так с приворожкой не баловались, боялись отвечать, как за колдовство. Известно, что колдуны не могут помереть спокойно. Вот их корежит, вот их ломает. Впору хоть матицу поднимать, чтобы дать им отойти.

Но зато по всему Ирюму на святки парни у девок, девки у парней, «дурья», раскатывали поленницы дров. Тащили друг у друга хомуты, сани — и на лед. Ухитрялись уносить даже ворота. А если не уносили, то примораживали. Наутро хозяева разбирали свалки на реке и забирали свое. Поленницы снова складывали, и никаких обид не было. В Ильине, Дружинине, Самохвалове содержание этого «дурения» забыто. Говорят о нем просто как об игре. В Ирюме знают, ради чего устраивали такой разор: так привораживали. Но знают пожилые. Смеются от души Попова Ульяна Васильевна и Бессонова Устинья Афанасьевна, рассказывая, что ребяташки и сейчас раскидывают дрова во всех дворах, включая и дома пожилых одиноких женщин: «Эк-то старух привораживают они к себе». К этим поступкам отношение снисходительное. Даже более того, добро-

желательное. Радует село, что девки «охальничают» во дворах ребят, а ребята — во дворах девок. Наташа Калмыкова (12 лет) поведала: «Девочки раскидывают дрова у ребят, а ребята у девочек целую неделю до рождения, называя это игрой».

Вечерки

Гадали тайно от парней, но зато вечерки проводили вместе, сидели рядом, пели, плясали, по полу ходили, выбирали пару по себе. Только полавочье трясется да половицы приговаривают. На вечерки дочерей отпускали с наказом: «Играть играй, да разум не теряй». Фанатики держали дома не только дочерей, но и сыновей: «Нечего дьявола тешить». Ссылались при этом на песню, осуждавшую вечерки. Песню знают по Ирюму во всех селах, поют с состраданием к бедной девчончке, которая, оступившись, «сыночка, ой, родила».

Как во нашей во деревне нова новина:

Ой да, молодая девчоночка сына родила,

На свет белый не пустила, в море бросила,

Ой да, на свет белый не пустила, в море бросила.

Там ребята-рыболовцы рыбу ловили,

Ой, да поймали щуку-рыбу, думали: линия,

Присмотрелись, пригляделись — малое дитя,

Ой да, присмотрелись, пригляделись — малое дитя.

Сёдне праздник — воскресенье, все звоны звенят,

Ой да, на молоденькой девчонке кандалы звенят,

За ней мать идет родная, плачет, рыдает,

Ой да, за ней мать идет родная, плачет, рыдает.

— Не плачь, мать, не плачь, родная,

Ой да, у тебя дома еще пять,

На вечерки не отпускай, пусть дома сидят,

Ой да, на вечерки не отпускай, пусть дома сидят.

Как во нашей во деревне нова новина:
Ой да, молодая девчоночка сына родила.²

Сидели по своим домам те, кому родители на вечерки накладывали запрет. Не привязаны, а визжи. Хоть сердце разорви, но сиди дома. Грамоту знаешь, книги читай — все про веру, все про веру. А другим раздолье. Тем родители разрешали собираться в малушках или в подклети, если там никто из женатых сыновей не жил до постройки ему дома. Редко когда приходилось откупать избу, просто нужды в этом не было. Но если шли к кому-то на вечерку, то парни запасали дрова, а девушки несли калач или пирог.

Вечерки не были особенно шумными. Без гармонии звуку немного. Время проходило за играми и проходочными песнями. В вечерках молодежь находила передышку от религиозной тирании и домашних забот. Реальная жизнь с ее тревогами, тяготами была за стеной малушки, освещенной лучиной, но в малушке господствовал лучезарный мир праздника, самовыражения, творчества, наслаждения искусством, пьянящей радости, ощущения своего единства с людьми и своей нужности им. Вечерки давали простор душевной силе, энергии. Игры следовали за песнями с плясками, все было живо в движении, в постоянном изменении. Столько лет прошло, а пожилые люди охотно покажут, как ходили по полу, как играли, споют.

Игры и песни, главным образом, сводились к выбору себе пары: жениха или невесты. Заканчивались они, как правило, поцелуем. Уже родители наших информантов воспринимали эти песни только как веселье, забавы, отдых. Однако некогда подобного типа песни считались магическими, способными повлиять на создание семьи. А семейная магия, в свою очередь, тесно связана с календарной. Безусловно, были эти песни и отдушиной для творчества, радости. Так что назначение песен значительно изменилось, а внешние признаки, фор-

ма их пронесены через века. Это и хоровод, и поцелуйная концовка, и календарная приуроченность. Играли больше «Монахом».

Просим в Дружинине показать, как играли в эту игру. «Ино, девки, покажем ли, чо ли?» — полуутвердительно обратилась Фунтова В. А. к своим подругам, за плечами которых по 80 лет. «А и покажем», — откликнулась Д. П. Ваганова.

— Кому быть «монахом»?

— Да Дросиде и быть. Парня-то нет. А вы, девки, ли чо ли, не встанете с нами?

Соскочили со своих мест молодые собиратели фольклора, сели чопорно, как велено, у стены рядом. «Монах» встал напротив.

— Ты кто?

— Я монах, в синей рубахе, на лохматой собаке.

— Что тебе надобно?

— Мне надобно девицу.

— Какую?

— Филисату.

Филисата подошла, «монах» ее поцеловал и неожиданно сказал: «А это мне не надобно». Филисата села на место, а «монах» все требовал других девиц, пока не остановил свой выбор на одной, которую и оставили у стены, чтобы она снова начала игру. «Вот эк-то парень возьмет всех девок и перецелует». «Монахом» могла быть и девушка, она так лихо не перебирала парней и звала к себе того, кто люб.

Хорошо игралось. Если бы так было в жизни: бери себе в жизнь, кто мил. В игре сказывалось извечное стремление к счастью, свободе выбора.

Надоело играть «Монахом», заводили «Афанасом». «Монах» выбирал «Афанаса». Ему завязывали глаза, кружили, а сами разбегались неслышно. «Афанас» пытался найти того, кого ему надобно. Знал, что вот где-то здесь мило, а шел мимо. Всем бы молчать, не

давая «Афанасу» голоса, да как утерпеть, если «Афанасу»-парню под руки попадал парень вместо девушки? Ведь его еще и поцеловать надо.

Набегавшись, вставали в хоровод и начинали «Яшеньку» — игровую песню. «Монах» указывал на «Яшеньку», которого усаживали в центр хоровода. «Яшенька» избржал то, о чем пелось в песне:

Сидел наш Яшенька на золотом стуле,
Ладу, ладу, ладу, на золотом стуле.

На золотом стуле, в ореховом кусте,
Ладу, ладу, ладу, в ореховом кусте.

Щелкал наш Яшенька калены орешки,
Ладу, ладу, ладу, калены орешки.

Калены, калены, девушкам дарены,
Ладу, ладу, ладу, девушкам дарены.

Соскочил наш Яшенька на резвые ножки,
Ладу, ладу, ладу, на резвые ножки.

На резвые ножки в лаковых сапожках.
Ладу, ладу, ладу, в лаковых сапожках.

— Гляди-ка, Яшенька, гляди по народу,
Ладу, ладу, ладу, гляди по народу.

Бери-ка, Яшенька, кого тебе надо,
Ладу, ладу, ладу, кого тебе надо.

Сади-ка, Яшенька, себе на колени,
Ладу, ладу, ладу, себе на колени.

Целуй-ка, Яшенька, сколь тебе угодно,
Ладу, ладу, ладу, сколь тебе угодно.³

Пора начинать ходить по полу парами, приплясывая.
Короткие веселые песни-потешки объединяли всех при-

сутствующих, задавали тон песенно-плясовой радости. Попарно ходя по полу мелким шагом, молодежь осваивалась, приглядывалась к себе и другим. За кругом никого не оставалось: все были участниками, все были зрителями без всякого штатного массовика.

Многие песни, как и сказки, радовали неожиданностью, диковинкой, звали к улыбке, радости, веселью. В песне «Это что за диковинка?» всего четыре стиха, но их повторяли несколько раз, начиная с первого, пока не надоест. Даже если нет ни слуха, ни голоса, если человек пришел на вечерку первый раз в жизни и не знает, куда себя деть, все обходилось благополучно. Песня заботилась о своих исполнителях:

Это что за диковинка
У ворот стоит козонька,
Коза — золотые рога,
Золотые рога, серебряные.⁴

Надоест про козоньку, начинали про стару бабу, следы которой потерялись:

Это где-то стара баба живет,
Она где-то домовничаёт,
Она где-то пивоварничаёт?
Наварила баба пива про меня,
Остудила бы зеленого вина,
Зайду в огород, зайду во новой,
Там бабы нет, там следьев нет.⁵

Привыкнув друг к другу, освоившись, начинали петь песни с поцелуйной концовкой. Суть их в концовке, повелевающей поцеловаться. Поцелуем скреплялся выбор парня и девушки,

мых картин и ритма. В них переплеталось необычайно возвышенное и самое обыденное, отчего это обыденное, привычное приобретало иную, звучную окраску. С песнями можно побывать в чудесном мире, представить себя в нем, незло посмеяться над собой и другими. А самое главное — все равны, всем достается внимание, все по очереди бывают в середине круга.

Чаще поцелуйные песни начинались со взаимных комплиментов. Одна из песен на все лады расхваливала молодчиков. Они и молоденькие, и одеты модно, и главное, поцелуя дожидаются. Ну, как не ответить им! Девушки шли внешним кругом, парни — внутренним:

Это чьи таки молодчики идут,
Да это чьи таки молоденькие,
Да это чьи таки молоденькие?
Да пиджачки на них коротенькие,
Да пиджачки на них коротенькие,
Да они ходят ужимаются,
Да поцелуя дожидаются.⁶

С последними словами пары вставали друг против друга, и девушки целовали парней, переходя во внутренний круг. Песни наполнены движением, перестановкой участников, которые были одновременно и исполнителями и зрителями.

Этикет требовал на хороший привет дать достойный ответ. Поэтому исполнялась песня, адресованная девушкам:

Да это чьи таки девчоночки идут,
Да это чьи таки молоденькие,
Да это чьи таки молоденькие?
Да на них юбочки коротенькие,
Да на них юбочки коротенькие,
Да они ходят ужимаются,
Поцелуя дожидаются.⁷

Парни целовали девушек, и начиналась новая песня. Но было и так: все расходились по местам, а на круг выходила одна пара. Пара на кругу имела право начать свою любимую песню, хотя бы «Шкатулку». Эта песня была известна на молодежных увеселениях во многих местах России. Героиня песни любила, поэтому художественный мир песни расцвечен розовым цветом, а бытовые предметы богаты и возвышенны. Здесь и золотые ключики, и шкатулка бронзовая, и тарелочка фарфоровая, и платье цветное. Высокое любовное чувство обязывало возвышать и мир:

Ты, шкатулка, шкатулка моя.
Ты, шкатулка новобронзовая.
Да я давно в тебе, шкатулка, не была
Да цветно платье не нашивала.
Потеряла я три золотых ключа
Да я на розовой на ленточке,
Да я на розовой на ленточке,
Да со фарфоровой тарелочки.
Да кто бы, кто бы эти ключики нашел,
Да за того бы я замуж пошла,
Да я пошла, пошла, не спятилася,
Да целовать дружка не сморговала,
Да целовать дружка не сморговала.⁸

По свежести, яркости мира к «Шкатулке» близка песня «Уж ты, камка, ты камка моя»:

Уж ты, камка, ты камка моя,
Камка травчатая, узорчатая,
Не давала развертывать никому,
Никакому добру молодцу.
Один молодец волю поимел,
Взял он камочку и развернул,
Все узоры-то повысмотрел,
Все узоры-то узорчатые,
Все круга-то позолоченные,

Просил молодец позволения,
Позволения в компанию встать,
Позволенья красных девок целовать.⁹

В других песнях рисовался образ красавицы, которую просто нельзя не поцеловать 105 раз:

Сплю я, сплю я,
Во сне вижу
Тебя в алом платье,
Твоя русая коса
Вся цветами убрана,
На руке у вас кольцо,
Колечко золотое,
На колечке-то у вас:
— Целоваться 105 раз.¹⁰

Заводили песню об уже выбранном милом — единственном и желанном. В ней прямо подсказывалось, что девушка должна целовать парня:

Возле окон милой ходит,
На окошки не глядит,
На моем-то на окошечке
Приметочка лежит:
Небольша приметочка —
С винограда веточка,
С винограда винного,
Поцелуй единого.¹¹

В другом случае девушка от своего имени приглашала соколика ясного поцеловаться:

Растет верба на меже,
Растет верба во ржи,
Вербу дождичком не мочит,
Вербу ветром не берет,
Канареечка на вербочке,
Канареечка гнезда вьет.

Канареечка-то — девица,
А соколик-то — молодец.
Соколик мой ясный,
Сокол мой, да поцелуемся с тобой.¹²

Пара в круге уподоблялась голубю и голубке:

Я бегу, бегу до кузенки,
Добегаю до часовенки,
На часовенке два голубя сидят,
На часовенке два голубя сидят
Да между собою речи говорят,
Да между собою речи говорят:

— Ой, завтра праздник да Иванов день,
Ой, завтра праздник да Иванов день.
Мой-от миленький гулять пойдет,
Мой-от миленький гулять пойдет,
Меня, девушку, с собой возьмет,
Меня, девушку, с собой возьмет,
Меня, девушку, с собой поведет,
Поцелует и назад уведет.¹³

Девушка побойчее подшучивала над миленьким; зная, что на шутку не принято обижаться, тем более, что шутка переходила и на нее. Это ведь ее миленький не может через заплютки (заборчик) перескочить. Но ведь он в другом удал: и шаль на плечи ей накинёт, и три раза поцелует:

Мой миленький мал, да удал,
Через высоки заплютки скакал,
Через высоки заплютки скакал,
У визитки праву полу оторвал.
Что визитка без полы да без полы,
Красна девка без шалешки без шали,
Ей мальчишка шаль на плечи накидал
Да раскрасотку три раза поцеловал.¹⁴

Поцеловавшись, эта пара уступает место следующей. Песни обращались порой к таким заурядным явлениям быта, что дальше некуда. Например, к задавленному таракану. Хотя песня о тараканьей душе перечисляла не только старообрядчеству, но и в целом христианской догме о душе как свойстве только человека, пели, не считая греховным, исполняли приказание «целоваться три раза»:

Девки по полу ходили,
Таракана расступили,
Таракан, таракан,
Тараканья душа,
Тараканья душа,
Целоваться три раза.¹⁵

То вздумается про Никанора Третьякова. Про него никто ничего не помнит, а в песне остался:

Никанор Третьяков, Третьяков,
Погорело много, много кабаков,
Остался один кабачок,
Саловаренка красива в нем была,
Она здорово похитила меня,
Рубашку, подштанники сняла,
Прихватила худым мешком
И отправила по городу пешком.
Все-то девушки смеются надо мной:
— Это что за щеголь за такой?
Мы не видели рубашки никакой.
— Я из дальнего, из дальнего села,
Прикатился из города сюда,
Прикатился из города сюда
Целоваться три раза.¹⁶

Песня подсказала не только поцелуй, но и красивую поступь:

Девки, по полу ходить —
Не шабаркаться,

Ставеночки закрывать —
Да не шваркаться.
Ну, кому какое дело,
Я жениться хочу,
Я жениться хочу,
Поцелую и уйду.¹⁷

В беззаботное веселье включались песни с мотивами труда. Ни одна вечерка не обходилась без разыгрывания всего процесса, связанного со льном: от посева до изношенной рубашки. Лен в крае был одной из важных культур. Он и одевал, и обувал. Как лен до дела доводят, все знали, поэтому разыгрывать песню было легко.

Песня о льне относится к древнему поэтическому пласту, связанному с обрядовыми, ритуальными действиями, которые предворяли сам трудовой процесс. Земледельцы-язычники полагали, что исполнение подобных песен плодотворно и для урожая и для устройства брака. С течением времени песни эти прочно закреплялись за молодежными увеселениями, потеряв связь с древними верованиями, а позже перешли к детям в качестве игровых песен:

Мы сеяли, сеяли ленок,
Мы сеяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ой, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы рвали, мы рвали ленок,
А мы рвали, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,

Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой,
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы стлали, мы стлали ленок,
А мы стлали, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой,
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы мочили, мочили ленок,
Мы мочили, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы мяли, мы мяли ленок,
А мы мяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы трепали, трепали ленок,
Мы трепали, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,

Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы чесали, чесали ленок,
Мы чесали, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы пряли, мы пряли ленок,
А мы пряли, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы ткали, мы ткали ленок,
А мы ткали, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы шили, мы шили ленок,
А мы шили, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,

Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы носили, носили ленок,
Мы носили, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.

Уж мы рвали, мы рвали ленок,
А мы рвали, приговаривали,
Чеботами приколачивали.
— Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленькой,
Полюби меня, хорошенькой.
Ох, лен, мой лен, белой лен.
При горе, горе, при крутой
Стоял лен, белой лен.¹⁸

Хороводом изображались под песню все процес
труда. С последними словами девушка и парень по
рачивались лицом к лицу и показывали друг на друг
как рвали ленок.

«Аграрная магия» в ряде песен тесно переплетал
с брачно-любовной:

Вечор на капустку, вечор на белую
Выпал частый дождик.

Рост-от далеет, капуста веселеет,
Капуста веселеет, белая моя.

Ты завейся, завейся, капуста моя,
Ты завейся, завейся, белая моя,

Ты завейся, ты завейся, мой веловый кочешок.
Не женись, не женись, молодой женишок.

Если женишься, спокаешься,
С молодой женой намаешься,

Со мной, девушкой, расстанешься,
Со мной, девушкой, расстанешься.

Все танцующие «завивают» капустку, т. е. сплетают
цепочку, подавая друг другу руки через плечо. Затем
капустку развивают:

Вечор на капустку, вечор на белую
Выпал частый дождик.
Рост-от далеет, капуста веселеет,
Капустка веселеет, белая моя.
Ты развейся, развейся, капуста моя,
Ты развейся, развейся, белая моя,
Ты развейся, развейся, мой веловый кочешок,
Ты женись, ты женись, молодой женишок.¹⁹

Пора и честь знать, погостевали — и домой. Пройдут
святки. После рождества начнутся свадьбы.

Семья начиналась со свадьбы. Девушки старались
определиться вовремя. Не пугала пословица «В девках
сижено — горе мыкано, замуж выдано — двое при-
было». Так и велось: бабы каются, а девки замуж со-
бираются. Надолблицей кому же хочется быть!

Надолблиця

Надолблиця-навеленка, девушка-перестарок, поте-
рвшая надежду выйти замуж. Навеливать (активно
предлагать) ее возили после того, как отыграют свадьбы

очередного года — на масленицу. Своими глазами на долблицу наши собеседницы не видели, но от родителей слышали. Обычай, видимо, бытовал долго, так как слово «надолблицца» закрепилось в языке. Отношение к такому браку противоречиво. С одной стороны, как не посочувствовать бедолаге, упустившей время? Мало ли что привело ее к этому. Бывает и так:

Ой, ё-ёй да ой, ё-ёй,
Какая несчастливая,
Сначала мама померла,
Потом женили милого.

С другой стороны, надолблицца — хоть и будто бы узаконена, но спаси бог и помилуй. Стыдно и позорно. Не случайно надолблицей пугали девочек, когда те не слушались. М. А. Угрюмовой в детстве «мамонька всегда говорила: «Посажу, как надолблиццу, в сани и повезу». Е. Е. Леонтьева добавила: «Тетя, у которой я росла, скажет бывало: «Как надолблиццу, под окошки поведу». Боялись девчонки, что подвезут к дому жениха, что поплосе, стуком вызовут хозяина и спросят: «Надолблиццу привезли. Надо?». А хозяйка еще почваняется: «Не ширяй, не пыряй!». Да еще такое прибавят, что сквозь землю провалиться и то легче. Не слаще, если крикнут: «Вороти дыру на двор».

В Самохвалове и Ирюме надолблиццу везли посередине улицы и предлагали ее всему миру. «Надолблицца» известна и в других районах Зауралья, так что это не выдумка старообрядцев. Так, в Прорыве Куртамышского района навеленку называли надолбой. Ее предлагали в среду на масленицу от зари до зари, вывозя даже в соседние деревни. Только бы солнце не село. В маленькие санки на длинной сбруе впрягали лошадь. В санках и сидела надолба, которую предлагал женихам отец. В руках у него была большая палка, которой он

стучал о надолбу — приворотный столб дома. Выходил хозяин. К нему обращался отец навеленки:

— Бог в помощь, хозяева.

— Бог на помощь.

— Надолбу вам не надобно?

Если не надобно, везли дальше, если надобно, то завтра соберут небольшой стол, вот и вся свадьба. О надолбе есть сведения из Рязанской земли. Там тоже возили девку-перестарка по селу и кричали: «Колдоба, колдоба! Кому нужна колдоба?». И тут же, если находились желающие, просватывали.

В соседнем Белозерском районе и сейчас поют песню о бестолковом сватушке, упустившем добрую невесту. Теперь придется «надолбу искать».

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Тыну поклонилися,
Верее молилися:
— Верей, верейюшка,
Укажи дороженьку.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

По невесту ехати,
В огород не въехати,
Пива бочку не пролить,
Жениха не осрамить.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Вдоль по улице идем,
Ничего не разберем.
— Дом крестовый, вроде так, —
Жених баял впопыхах.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

В избу входим, вроде так,
А невеста-то в усах,
Во чембарах, во котях
Да и с трубкою в зубах.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Сват, куда ты нас завел?
На мужицкий на постой.
Мужиков-то целый рой
Ей-е-е-ей, ой, ой, ой.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Мы невесту проморгали
И на свадьбу не попали.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

По дороге столбовой,
Едет Ваня — наш герой,
А с ним рядом Василиса —
Чудо-красная девица.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Поп кадит кадилою,
Сам глядит на милую,
Господи, помилую
Миримею милую.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Не гляди, что я толста,
Зато крепкая рука.

Сватушко, сватушко,
Бестолковый сватушко.

Заворачивай назад,
Будем надолбу искать.
Если к ней приноровиться,
Поучить, не полениться,
Тоже будет мастерица,
Тоже в жены пригодится.

Сватушко, сватушко,
Наш любимый батюшко.²⁰

На Урале встречается слово «надолба». Значит, и там пытались устроить как-то человеческую судьбу, хотя бы через неловкость и стыд. Не одобряя «кукованья» в девках, народ сочувствовал несчастным невестам-навеленкам, о чем говорит пословица: «И надолба — добрый человек». Нет, уж лучше убегом замуж иди, чем надолблицей.

Свадьба убёгом

Мало кто из наших собеседниц выходили замуж «добром», а все убёгом, без согласия родителей невесты. Жених договаривался со своими родителями, что в жены возьмет девку убёгом. Родители редко когда сопротивлялись. Пусть женится, лишние рабочие руки в доме, хлопот и забот меньше. Но если родители жениха «вставали на дыбы» против избранницы сына — свадьбе не бывать. «Мой дом — моя крепость, не захочу и не пущу», — мог заявить отец. Не пустит — идти некуда. А семья, она под свою крышу жмет, под чужой солоно. Уламывали сыновья отца-мать.

Невесту можно было умыкнуть в любое время, но только и ждали, чтобы крещение пришло. Вот когда с девок домашние старались глаз не спускать. Прятали одежду, кое-какое приданое. До самой масленицы только и жди беды: убежит девка. Бежали и с воды. В Самохвалове, когда выходили на крещенское водосвятие, девки как дурели. Только глазами зырк-зырк по сторонам. Перемигнется—и была такова. Убежит в чем есть.

Родители жениха готовились к свадьбе. У сына видели невестин залог, стало быть, она не откажется и в зряшный расход не введет. Залог — шаль, суперик, серьги. Если откажется, то залог потеряет, он останется у жениха.

Почему шли убёгом? Да у каждой свой расклад. Главное препятствие — чужая вера. Хоть не двоеданская частушка, а подметила правильно:

Милый мой матанечка,
Я тебе не парочка,
Ты высок, я низкая,
Ты двоедан, я мирская.

Род-племя чем-то не глянулись. Одним, может, не нравилось, что веру не крепко держали. Других, наоборот, отпугивала двоеданская крепость. Кумовство тоже препятствовало браку. Кого-то не устраивало заметное имущественное неравенство. Не хотели родниться с крикунами, лодырями, угрюмыми, дерзкими, чванливыми. Каждая семья хотела выбрать сватовьев по своему вкусу. А со вкусами выходило нарочно, как в той пословице: «Кому поп, кому попадья, кому попова дочка, кому попов сундучок». Главным препятствием была иная вера. «Я, к примеру, двоеданка, — вспоминает Зиновья Васильевна Ядрышникова из Самохвалова, — а Иванушко был мирской. Мои родители всегда всупротив. Вот и точат, вот и точат: «Грех, грех, не вздумай убежать». Рассказчица перевела давнее в настоящее, как будто оно не уходило из сердца. Вздохнула и снова окинула взглядом минувшее: «Я как любила Иванушку! Девки, что скрывать, любила. От, дура, послушалась мамоньку, не убежала. И теперь думаю, что жизнь лучше бы задалась. Так и следили за мной, чтобы укараулить. Вышла за двоедана. Да где радость-то? Пропал век не за холщовый мех. Так до войны и маялась, на Иванушку издаля глядела. Муж догадывался. Обое в войну они погинули. Эх, жизнь».

За большим приданым не гнались, прикидывали: «На богатой женись, да думай, чем семью кормить». На женихово богатство тоже не очень зарились. Тем не менее какие-то препятствия были, иначе зачем бы невесты убёгом уходили замуж.

Уйти убёгом, украсть невесту — дело не простое. Поэтому жених в Ирюме, например, брал помощницу, чаще всего коренную — задушевную подругу невесты. Приезжал он с коробом, в который пряталась невеста. Сверху короб накрывали тулупом или шалью, чтоб дело выгорело. Только кнут свистнет да кони взметнутся. Поминай теперь как девку звали. С вечера она

девушка, к полночи—молодушка, а утром — хозяйш-ка. До родной деревни мчались молча, потом брали свое. Несколько раз проедут по деревне, крича и ухая. Кричать не боялись, потому что в Ирюме был свой закон: украденную невесту не позволяли отби-рать. В округе знали, что из этого села увезенную девку не выдернешь. Но если бы нагнали в пути — не сдобровать. Полетели бы куда кусок, куда милосты-ня. Девушку, конечно, отобрали бы, а жениху приш-лось бы за свою лихость потерпеть. Били нещадно.

Если в своей деревне невесту умыкали, ухали только вблизи родного дома, когда погоня уже не пугала.

В Самохвалове, Ильине, Дружинине самую большую досаду у девушки вызывал младший брат. Он как приклеенный ходил по следам, стерег. Приглядывали также старшие братья, если не были отделены. В Самохвалове все мужики-родня считали себя обя-занными бросаться в догон умычнику. Работы на этот счет им было много, так как чуть ли не из каждого дома девчонки стремились уйти убегом. Село большое, мирских много. Даже две церкви стояло: одна мир-ская, другая двоеданская. В двоеданские семьи мир-ские, как правило, не шли, там поездом заедят. Зато мирские охотно брали двоеданок. Условия для побега здесь тоже были подходящие. На крещение все село выходило на воду. Мирские вставали отдельно от двоедан, но не очень далеко. Причем мужское населе-ние обеих групп стояло напротив женской половины. Только самые фанатичные староверы не выходили к ре-ке вместе со всеми, боясь опоганиться. Но когда все расходились, и они приходили к иордани (вырублен-ному во льду кресту) и набирали святую воду.

Священник у мирских и уставщик у двоедан начи-нали кропить водой народ. В это время как-то незаметно все смешивались. Получалась одна большая

толпа, радостная, ликующая. Алмазами сверкала на солнце россыпь воды. Глаза тянулись к сказочной лучезарности. У девок свое на уме. Только и ждали этот час. Тут же прыгали в кошеву своего избранника. Эх, залетные, не подведите, выносите! Не сдобровать, если догонят.

Больше всех противились побегу во Дворцах — не-дальнем, мирском селе. Там братья как с ума сходили. Сами же почти все умычкой жен брали, а сестер сте-регли, как Кощей царевну. На воду в крещение с ружь-ями и палками выходили, за сестрами следили в оба глаза. До поры до времени следить не составляло труда: стояли женщины напротив, видимые что на ладо-ни. Но только поп опускал крест в иордань, все, тол-каясь, лезли смотреть. Про сестер забывалось, хотя совсем не надолго. Но им и не нужен час. Как ветром сдует. До тройки дробочки на резвых ногах долететь — минутное дело. Только бы он не замешкался да тройка враз взяла. Братья бросались вслед, стреляли в воздух, бросали палками вдогонку, пытались догнать на лошадях. Но как стена вставала перед ними первая же деревня, куда влетали виновники. В деревню до-гоняющим путь был закрыт. Но если догоняли — сестру отбирали, умычника крепко били.

В Дружинине уже «в колхозы» матери взяли новую моду: принялись сами отнимать убежавших дочерей. На вечеринку являлись, ругались. Приходилось невесту у чужих людей прятать на несколько дней. Отсижива-лась беглянка то в амбаре под замком, то в погребе. «Не дело эк-то», — заметила С. З. Ваганова, осуждая попытки женщин вмешаться не в свое дело. Не по обы-чаю, чтобы мать догоняла дочь, дело это мужское. По-лучается, что мать должна бы понять дочь, а вовсе не бегать в розыски.

Бывали случаи, когда беглянку все-таки возвращали. Но оказывалось не складно: ни себе, ни людям, ни дев-

ка и ни мужняя жена. Конечно, выходила потом замуж, но выбора уже такого не было. Женихи находились то «ростом пониже, то сортом пожиже». С. З. Ваганова сама из беглых, в сердцах бросила: «Чего не отдавали! Двоеданство свое блюли. Где оно двоеданство? По всей округе один двоедан, и того доедам».

Если караул был каменный, то убежать приходилось в одной рубашонке и шалёшке. Никто в доме и не подумает, что девка в таком виде замуж собралась. Ей только того и надо. Скажет, что выйти требуется, и пошла во двор. Жених к тому времени выламывал доски на заднем дворе. Так сговаривался с невестой через ее подругу. Только к пролому подойдет беглянка, он ее скорее завернет в тулуп, только и видели. Он, понятно, ждал.

Не одна с вечерки убегала. Просватают за нелюбимого, жених цветы на голову привезет, девки, парни соберутся, поют, играют. А невеста ждет момента, чтобы убежать с другим. Коренная подруга настороже. Пойдет невеста будто платье переодевать, а сама выскокит к нему — единственному и желанному.

Родители жениха, зная о затее сына украсть себе жену, к определенному сроку готовили вечерку. Собирались молодежь, близкая родня. Если невеста переступала порог дома жениха в своей одежде, то и хлопот наряд не было. Если ее привозили в одной рубашонке, выручала подруга, давая свой лямочник, рукава, пояс. Что далеко ходить, вон Феония Филипповна Теплоухова со своей вечерки убежала за другого. Только цветы с головы сняла да в сенцах оставила. В тот же вечер другие цветы надели в доме, куда пришла женой, хозяйкой без ведома родной матушки, родного батюшки.

Сбегали даже из часовенки или из дома уставщика из-под благословения. Уставщик спрашивал, вольно ли идет замуж. Хватало смелости у которой, так гово-

рила: «Невольно» — и бежать от уставщика. Родителей и братьев рядом не бывало, они в церковь не ездили, ловить некому. А задаток — залог — пострадавшая сторона не вернет, так пропади он пропадом.

Свадебная вечерка при уходе была очень веселой. Перебирали все игры, все половые* песни и песни крутенькие**:

Скоро косоньку разделят,
Скоро две мне заплетут,
Скоро девичью забавушку
На бабушку изведут.

Погляди, родима мамонька,
Где солнышко взойдет,
По твоей веселой горенке
Никто не запоет.

Вы потопайте, ботиночки,
Вам больше не плясать,
Выйду замуж, буду бабой,
Вам на полочке стоять.

Вы спросите, я скажу,
Зачем я в нижний ряд хожу,
Там домочки синеньки,
Ребята все красивеньки.

Песни пела, петь умела,
Петь охочая была,
В праздник дома просидела:
К себе милого ждала.

Скоро колокол забрякает,
Затопал вороной,
Собирайся, милка, замуж,
Я приехал за тобой.

Пошли плясать
Сноха да золовки,
Пускай говорят
Бабы-балаболки.

*Песни с поцелуйной концовкой, исполнявшиеся зимой в доме, — «на полу».

**Частушки.

Поплясала бы я,
Мужа-то боюся,
Муж уедет по дрова,
Я повеселюся.

Не ходите, девки, замуж
За немилого дружка,
Лучше в море утопиться
Со крутого бережка.

Не ходите, девки, замуж
За дружка немилого,
Лучше в море утопиться,
Состонать единого.

Мой-от болечка матерый:
Только венички жевать.
Проводил меня до дому,
Не успел поцеловать.

Поцелуйную песню не упускали ни одну, старались вечерку растянуть подольше. Хотелось, чтобы эта одна вечерка была равной двум-трем, которые проводились при нормальных, не беглых свадьбах. Молодежь демонстративно сочувствовала влюбленным. Жениха с невестой много раз выводили в круг. При этом выбирались самые хорошие песни: про голубя и голубку, женишка. Влюбленные и впрямь были похожи на голубя и голубку. Песня не грешила против жизни:

За двором, за двориком
Там травы, травы разрастались,
Там реки, реки разливались.
Выведен, выведен бел лебедь с лебедушкой.
Лебедин-Зотеюшко, лебедушка-Аннушка.
Ими люди любовались.
Три раза поцеловались.²¹

Припоминалась песня про мужика на полатах:

На полатах-от мужик,
Да на полатах он лежит,

Мужик голову повесил,
Руки к сердцу прижал,
Руки к сердцу прижал,
Целоваться побежал.
Целую разичек
За этот праздничек,
Этот праздник ураза,²²
Целоваться три раза.

Девушки в круге разыгрывали песню «Две паньи танцуют», вероятно, возникшую не без польского влияния. Четыре «паньи», попарно взявшись за руки, поднятые вверх, пели, замысловато меняясь местами:

Как у пана, у пана,
У пановых ворот
Две паньи играют,
Две разыгрывают.

Как у пана, у пана,
У пановых ворот
Четыре паньи играют,
Четыре разыгрывают.

Как у пана, у пана,
У пановых ворот
Восемь ланей играют,
Восемь разыгрывают.²³

Как на любой свадебной вечерке, стол накрывали, предлагая девушкам и парням угощение: орехи, семечки, конфеты, пряники, стряпню. В отдельной комнате сидела семейная родня. Навеселившись, молодежь расходилась, в комнату входили взрослые. Крестная жениха с кем-нибудь из женщин отгораживали невесту платком, расплетали косу, плели две косы, прикалывали их кружком к голове, надевали «шишмуру», файшонку, шаль и показывали народу. Крестный и крестная жениха отводили молодых в «подклеть» на

покой. Они же и вводили молодых на пир. Гуляла на свадьбе «добром». Родители жениха доставали пельмени, ставили рядом с мясом и рыбой.

Особая статья — стряпня. В первую очередь заботились о хлебе. Воистину, он всему голова. Специально никого не звали печь свадебные хлебы, сами управлялись. Хлеб печь умели. Круглый, ноздреватый, к меру рассидевшийся, выпеченный на поду, запашистый, сытный, он всегда был в центре любого стола. Достатком дома, умением его хозяек веяло от пирогов с грибами, капустой, морковью, ягодами, рыбой. Золотистыми солнышками смотрелись шаньги: сметанные, морковные, маковые, картофельные, с изюмом. Не уступали им крапчатые, розанцы, хворост. Густо атели томленные в печи пшеничная и пшеничная каши. Лоснилась лаковая кожица гусей, уток, кур. Все как у добрых людей. На свадебный стол не скупилась, с голыми щеками гостей не встречали.

Обряды второго дня свадьбы исполняли, как заведено в старину. Большой заботой оказывалось благословление у старичка. Если успевали благословляться до свадьбы — хорошо. Если не успевали — шли к нему на второй день, фактически уже мужем и женой. Уставщик-фанатик не венчал без родительского благословления. Но были такие, что венчали.

В любом случае, венчал или не венчал уставщик, молодые шли просить прощение у невестиних родителей. Заходили в дом, падали на колени и просили простить за грех. С первого раза никого не прощали. В присутствии мужа родители давали волю своему гневу. Умычнику когда тоже доставалось, но дочь били, не сбивая бабий ее убор, что было особенным позором для молодой.

Завидовали беглянки казачкам, которых за убог не таптывали в грязь. Слышно, что у казаков тоже убог не

жаловали, но отец для вида стегал молодых разок ремнем, а дочери говорил: «Выбрала панчу по своему плечу. Ушла, так живи, а мимо моего дома со слезами не ходи, к моему порогу с жалобами близко не подходи». По Ирюму не так. Молодые снова приходили. Были такие гордецы-родители, что не прощали долго дочь. У нее уже дети родятся, а она все еще не благословлена. Хорошо, если уставщик благословил, а если нет, то совсем греховно, вроде как не жена своему мужу, хотя семья сложилась добрая. Боялись женщины без родительского благословения семейную жизнь нести: грех. «Это теперь девки храбрее филина», — уверяла А. З. Гордиевских. Боялись женщины, так как верили, что грехи родителей падут на головы детей. Детей же любили, никаких кличек (Ваньки, Катьки) не признавали. Называли детей ласковыми, уменьшительными именами: Ванюшками, Катюшками. Вырастут, будут называться Иваном и Катериной. В старости имя опять по-новому скажется: Ванюшка, Катюшка. По отчеству тоже назовут.

Сама по себе бабья жизнь в большой мужниной семье не сладка, да еще свои родители с прощением тянули. Одно утешение — мил-друг в мужьях. Выходит, права крутенькая песня:

Я любила его,
Мне и было за него.
Стоит, стоит мой хорошенький
Страданья моего.

Когда-никогда, а отходило сердце обиженных родителей, благословляли свою непутевую дочь. Если дочь с зятем не венчаны у дедушки, шли венчаться, а уж ребенок за материну юбку держался. Венчаться — это только слово, пустой звук. Просто дедушко прочитывал духовные стихи, благословлял двуперстием, заставлял обмениваться кольцами. Вот и все благослове-

ние. Убегом замуж уходили больше двоеданки, чем мирские. Знали, что ответ придется держать, но делали по-своему. Село к убегам относилось с прохладцей без осуждения. Если девка оступалась до свадьбы разговоров было, пересудов, хоть в прорубь головой а убег как будто и не проступок.

Возмущались убегом только родители дочери да ее неотделившиеся братья. Родителей еще можно сколько-то понять: они теряли калым за дочь, возможность чваниться при сватовстве и гулять на свадьбе. Кроме того они оказывались в положении людей, которые вырастили непочтительную дочь.

Снисходительное отношение общества к убегу весьма показательно. Видимо, за ним чувствовал народ какую-то давнюю, забытую, некогда узаконенную форму брака. Думается, убег — это отголосок тех древних браков радимичей, вятичей и северян, которые заключались у воды по доброй воле людей. О тех браках узнаем из летописи: «...брацы не бывают у них, но игрища меж сел. Схожахусь на игрища, на плясания и на вся бесовския песня, и ту умыкаху жены себе, с нею кто съвещашесь».

В правоте предположения убеждает и то, что убег не был, за поздними редкими исключениями, формой сокращения расходов. Расходы несли родители жениха в любом случае. Если хватало сил свадьбу поднять, то калым никого не останавливал. За ним дело не вставало.

Когда наступили времена, диктовавшие сокращение расходов, убег организовывался и воспринимался по-другому*. Так, после недолгой сплошной коммунизации

* В ряде регионов страны убег уже в конце XIX века, очевидно был средством сокращения расходов на свадьбу/Осипов Н. О. Ритуал сибирской свадьбы. — Живая старина, СПб, 1893. — Вып. 1; Эпов А. Свадебные обряды и песни Чикойского края в 80—90 годах прошлого века. — Изв. кафедры прибайкальведения (при Прибайкальском на- рном университете). 1921, № 1.

ции по Ирюму он был уловкой. Жениху порой угощение для вечеров не на что было купить. Договаривались с невестинными родителями об убеге. Они понимали необходимость этой меры, позволяли. Вот когда прощали без долгих уговоров. У жениха была небогатая вечерка. Но на веселье молодежь и при этом не скупилась.

СВАДЬБА ДОБРОМ

Сватовство

Принятое время сватовства — вечер. Мария Степановна Горбунова из Самохвалова объяснила это тем, что «днем у добрых людей работа, как ты думаешь. Вечером освободятся, сватаются». Шли во всех селах сватать открыто. «А что закрываться-то? Не на воровство ехали. На конях приезжали», — добавила Анна Захаровна Гордиевских. Если хотели брать из другого села, то приезжали под вечер к соседям возможной невесты или к своим знакомым.

Чаще всего сватами были крестный отец и дядя. В 30-е годы иногда и родителей на сватовство брали. Жених ехал тоже. А. З. Гордиевских удивляется тому, что где-то сватовство без жениха обходилось: «Без меня меня женили, ли чо ли? Как без жениха? Кто женится, крестный, чо ли?».

Пока не давали родители невесты согласия, жених оставался в сенях.

Переступив порог, покрестившись всей ладонью на образа: «Здорово, все крещеные», сваты дальше не проходили, пока их не приглашали хозяева. Получив приглашение, проходили, садились на лавочку вдоль половиц. Первое, что положено сделать, это коснуться ладонью печки, чтобы дело состоялось. Мол, от нашей печки, нашего дома вашему очагу привет. Пусть очаг

с очагом соединятся. Второе — захватить ногами как можно больше половиц, чтобы невеста не ускользнула от сватов. Разговор заводили скоро и открыто: «У нас жених, у вас невеста, нельзя ли их свести вместе да нам породниться?» Родители невесты отговаривались: «Надо ещё невесте подрасти да приданое припасти».

— За приданым не гонимся. Руки, ноги есть, будут жить — наживут.

— Не обессудьте, рано. Нет еще 18 лет, дедушко не благословит.

— Было бы ваше согласие, а это не беда. Дедушко велит невесте подержать пост два дня, вся и недолга.

— Не обессудьте, пока не отдадим.

На отказ сваты не обижались, знали, что с первого раза никто не дает согласие. До трех раз приходилось приезжать с добрым словом, со сватаньем. Когда родители невесты переставали отговариваться, приглашали из сеней жениха.

Невесты по Ирюму знали приметку. Если хочешь замуж идти, встань у печки во время сватовства, если не хочешь — близко не подходи к ней. Ефросинья Григорьевна Неустроева сетует: «Как я не хотела выходить, дело прошлое! Как черти к печке подсунули. Жили-маялись, пока жизнь не развела. Как встала у печки, не помню. А встала, считай, что дело сделано».

Сватовство уже в начале века стянулось с просваткой (рукодаваньем, богомольем). Проходило оно так. Все садились за стол. От жениха ставились вино и хлеб. Невеста в заклад давала жениху настольник, простенное полотенце или филейку-скатерть. Заклад — знак того, что она не откажется. Родители жениха должны были быть уверены, что можно готовиться к свадьбе и в другом месте не сватать. Подготовка к свадьбе — не шутейное дело, расходов много. Молились.

За столом разговор шел деловой. Первым делом решали, какой калым. Слово это прилепилось к русским

от татар и казахов, живших повсеместно в Зауралье. Калым брали деньгами, из которых мало что шло на приданое. Выряжали, сколько провести вечеров и что жених на них принесет. Не забывалось выторговывать пиво и покупное вино, которое привезут, когда приедут по невесту. За него примется невестина родня, когда увезут невесту венчаться, а потом к жениху. Выряжали, смотря по достатку той или другой стороны, что-нибудь из одежды для невесты: ботинки, сарафан, файник (шелковый сарафан), пальто. Оговаривалось количество столов, т. е. количество приглашенных со стороны невесты. Понять родителей невесты можно: растили, растили дочь, только вышла в работницы, а ее ни за что ни про что отдавай в другой дом.

О приданом невесты речь редко где вели. Какое-ни-какое приданое все равно будет. Главное не оно, а руки. Приданое изнашивается, не на век оно. На век — жена. Хорошая хозяйка в дому, что оладышек в меду.

При бабушках невест 20—30-х годов в Ильине был обычай, когда невеста при сватовстве ходила по лавке вдоль печки, а рядом ходил жених со штанами. Невеста, подскакивая на лавочке, говорила: «Хочу — вскочу, не хочу — не вскочу». Если впрыгивала в штаны, значит, давала свое согласие. Но, видимо, этот обычай уже был только формой, так как отец мог проявить свою волю. Другое дело, что дочь тоже могла своевольничать и уходить убегом. А так как обычай не отражал истинного положения девушки-невесты, то отпал сам собой, хотя и остался в памяти как страница прошлого. Бабушка Т. И. Гордиевских (Ильино) выходила замуж в самом конце XIX века и хотела проявить свою волю, бегая по лавочке. Была она высокая, красивая, а жениха привезли, как на смех, — от горшка два вершка. Да невидный, да недоросточек. Она в рев и на лавку: «Не хочу — не вскочу». Отец только-то и сказал: «Бегай не бегай, все равно пойдешь». Отдали. Она и давай ро-

жать, да всех в себя — высоких, красивых. Один из сыновей был выше двух метров.

Когда обговаривалось все, скликали родню и девчат на просватку. Прибегали приглашенные скоро. Они были свидетелями того, что сватовство закончилось благополучно. Задача их теперь «опеть» важное событие — художественно его закрепить. Песней комментировалась просватка: «Отдает родимый тятенька за простого за крестьянина». От лица дочери укорялся родимый батюшка за то, что не сдержал своего слова «не отдашь родимо дитяtko ни за ярина, ни за боярина». Только гадать приходится, откуда взялось это слово — «ярин». Сами исполнители не знают, что оно означает. Видимо «ярин» — от «ярила» — солнце. К тому же в рифму подошло к боярину.

Я когда была малешенька,
Я во зыбочке качалася,
Во пеленках пеленалася.
Приходил родимый тятенька
Со тяжелой со работушки,
Он и брал Катю на рученьки,
Он метал Катю выше головушки,
Он метал и приговаривал:
— Не отдам тебя я, доченька,
Ни за ярина, ни за боярина,
Ни за какого крестьянина,
А пришла пора-времечко,
Отдает меня родимый тятенька
За простого за крестьянина.²⁴

От просватки до свадьбы невеста не ходила на сушю прядки и на вечерки. Хорошо, что время длилось не долго: от трех дней до десяти. Чаще всего сидела девчуха в невестах дня четыре.

Слово «девичник» по Ирюму не принято. Веселье молодежи именовалось вечерками. Приходили званые и незваные. Жених с друзьями привозил девкам угощения:

семечки, конфеты, пряники, орехи. Невесте обязательно дарил восковые или бумажные цветы, венчиком надеваемые на голову.

Вечерки — праздник жениха и невесты, праздник молодежи целого села, а то и двух сел. На вечерки собирались сразу после обеда, чтобы вдоволь повеселиться. Никакой работы делать не приходилось, даже приданое невесте в эту пору собирать не помогали. Ей не к спеху, так как приданое готовилось после свадьбы.

На свадебных вечерках веселья было хоть отбавляй, даже веселее, чем на святочных. Само торжество предстоящего брака накладывало отпечаток. Играли в обычные игры, пели обычные вечериночные песни, но с особым значением. Как-то ярче чувствовалось единство песни и жизни. Когда жениху пели: «Ты женись, ты женись, молодой женишок», — выходило, что песня очень к месту со своим советом, а следовательно, и веселье к делу.

Хотя балалайка и гармошка были в редкость, музыку находили. Кто-то брал в руки пилу, кто-то рожок, кто-то колотушку, кто-то гребенку с бумажкой. А хотя бы и пустое ведро, так тоже в ход пускали.

Позже, перед самой войной и в войну, пришла в села балалайка. Ф. И. Александрова частушкой рассказывала:

В балалаечку играть
В войну я научилася,
Кто на свете всех дороже,
С тем я разлучилася.

Сейчас в домах культуры и школах оркестры, никого не удивляет пианино, купленное детям. Выпускники школ поступают в музыкальные школы.

На былых свадьбах выручала частушка. Прикипела она тогда к Поирюмью. Е. Е. Леонтьева откровенничает: «Ой, девки, люблю частушки до смерти». Под частушки

дробилось легко. Частушки и дробушки, как подружки, поддерживали друг друга, часто вместе и в пиру, и в миру. Конечно, случалось, что подхваливали друг друга. Частушки и дробушки помогали каждому участнику вечерок показать себя, рассказать о важном. Одна девушка гордилась собой, зная, что соперниц в пляске мало:

Пошла плясать,
Свою выходку казать.
Посмотрите на меня,
Какая выходка моя.

Другая гордилась, что пляской выбила себе сокола:

Я плясала, топала,
Выбирала сокола,
Выбила я сокола,
Красивого, высокого.

Третья откровенно высказывала симпатии, обещая подпоясать лентой своей избранника:

Чем я Яшу подпояшу,
Нет ни ленты, ни ремня?
Куплю ленты три аршина,
Подпояшу Яшу я.

Девчонка лет 15—16, придя первый раз на свадебную вечерку, дробила под частушку:

Попляшите-ко, ботиночки —
Носочки голубы,
Уважать не научилась,
Годочки молоды.

А ей в ответ наперекор:

Попляшите-ко, ботинки —
Носки узеньки, баски,

Меня лечат от уроков,
Я страдаю от тоски.

Нарядная, с цветочным венчиком на голове, лебедушкой ходила невеста. Шуршал шелковый файник, подпоясанный вышитым поясом. Жениха с невестой часто припевали поцелуйными песнями, хотя и все гости не сидели в сторонке. Еще не сватанные девушки откровенно высказывали песнями симпатии своему избраннику. Другим парням давалось понять, чтобы не вздумали затеять ухаживание или сватовство. Как заведомый отказ понималась следующая коротенькая песня, напетая В. С. Фунтовой:

Телятёшки не едят травы,
Молодец, не целуй девки,
Поцелуй свою сударушку.

В Ирюме много шума вызывало отхлопывание девок. Парни приносили солому, расстилали ее по дому. Иногда вместо соломы на пол бросали шубу. На солому или шубу клали по одной или по две девки и всей мужской компанией хлопали их ниже поясницы, переворачивали и хлопали также спереди. Отхлопывали всех девок под смех собравшихся. Обижаться не полагалось. Такой же обычай был в Помалове. В других селах он вызывает недоумение. М. С. Горбунова из Самохвалова осуждающе поджала губы: «Зачем отхлопывать? Да девки так себя держали, что не дотронешься, а тут на тебе — по заднице! Хм!». В Дружинине и Ирюме жених и невеста в предсвадебную пору обязательно «гуляли», т. е. катались на конях по своему селу, сами нарядные и в нарядной кошеве. Невеста обязательно в цветах. Считалось большим уважением для любого села, если по нему проезжали свои или чужие жених и невеста.

После вечерок в Дружинине, Ильине в некоторых домах разрешали парням оставаться ночевать вместе с

девками. Конечно, о сне никто не поминал. Тушили свет, какой у кого был, в темноте рассказывали быль и небыль, стараясь не шуметь, не то разгонят хозяева. Задавались советами, как уберечься от черного дела. Крестились, называя ныне покойную травницу из Самохвалова, которую считали «знающей». «Ой, шутит, не к ночи будь помянута», — предупреждали друг друга. Забывалось в эти минуты, что за травами к ней бегали, когда хворь прижимала. Но бегали днем, а ночью такое рассказывали, что волосы дыбком да сердце в пятках.

— Сказывала бабонька, видела она. Свадьба ехала. Стоп, остановились как вкопанные. Сваха слезла и давай в подол глызы собирать. Свадьба стоит, а она так-то с задраным подолом бегают... Народ смеется, а она как во сне. Спасибо, тысяцкий подошел, перекрестил ремнем. Как очнулась она, со стыда чуть не обмерла. Скорее в кошеву.

— А у одних была свадьба. Только выехали от невесты, кони в дыбки, не идут, хоть ты что. Тысяцкий, правда, знал. Подршел к коням, хлеб с солью дал им, что-то пошептал, пошли.

— А еще, рассказывают, в Ильиной была свадьба. Жених сидел до свадьбы с одной. Может, жениться обещал, да как-то не сошлось, другую засватал, из Саламатовой брали. Ну, ему, видно, «сделали», что насмеялся над девкой. Что сделали-то! Утром у невесты вечерка. Все честь по чести. Баню отвели, жених с поездом приехал, ее родство. Народу полно, вечерка же. Собрались из-за стола выходить, а жениха нет. Где же лать нечего. Взяли невесту да эким макаром — без жениха — поехали. Едут, а он уже вроде как ждет на дороге. Почитай, к Дружининой подошел. Подъехали, а он не в себе. Говорит: «Не помню, как ушел и зачем ушел. Иду, слышу, бубенцы. Ну, думаю, чья-то свадьба. Может, и меня захватят с собой». Захватят! Вот такой

безумие напускали. Очнулся, ничего потом жили. Со своей свадьбы ушел, не видя, как!

— Еще случай такой был. Поехали с невестой, лошади пали. Их кнутом, они лежат как каменные. Тысяцкий велел выпрячь коней, обвели их снегом, чтобы к дороге не касаться, а кошеву на руках с этого места перенесли. Снова запрягли, лошади пошли. А их не мало было — три пары, и все на этом месте падали. Так три кошевы пришлось на руках перетаскивать, чтобы не касаться порченого места.

— Про порченное место тоже люди рассказывали. Невесту брали в Самохвалову то ли из Березовой, то ли из Саламатовой. Знают, что Дружинину проезжать надо. Только Дружинину проехали, кони встали на дыбки, храпят и ни с места, только передними ногами высоко скут. Свахи соскочили с кошев и давай руками по подолам хлопать, будто пыль выбивают. Ничего сделать тысяцкий не смог, побежал за знахарем. Это в Самохваловой знахарь был, всё под фонбарку макушку выстригал. Стало быть, тысяцкий к нему: «Выручай за ради бога, свадьбу испортили». Ничего, не отказал, поехали. Приехали, видят, дело плохо: кони все в мыле. «Ничего, — говорит, — пусть немного попрыгают, а свахи подолами похлопают». Потом смотрят, едут самохваловские мать с дочерью. Подъезжают, слезают с саней и к свахам. А те стоят, задрав подола на головы. Мать с дочерью подходят к свахам и давай целовать их ниже поясицы. Сколько-то поцеловали и отошли. Свахи подола опустили, лошади успокоились.

— Бывает, невесту портят. Испортили как-то одну. Привезли ее к жениху. Только привезли, как напали на нее бабьи муки, как при родах. Уж маялась, маялась. Послали за бабкой в Хандорину. Конечно, приехала, поправила. Только уж ребеночка та испорченная ни единого не нашивала. Называли кто портил. Ни дна ей, ни покрывки.

Тут же давались советы от порчи. Верное средство от порчи — мак или песок. Лучше все же песок, так как его не сосчитать. Насыпать мак или песок в ботинки жениху и невесте не велик труд, а от беды спасает.

Назывался также горох, но не простой, абы какой. Нужен горох с девятью горошинами в стручке. Такие стручки всегда откладывали, чтобы положить в карманы жениху и невесте.

Вспоминаются рассказы о лесном, который молнией пролетел мимо, о ягненокке, жалобно блявшем у болота, а оказавшимся «черненьким», о русалках, о свинье, которая на самом деле была ведьма. Да мало ли чего не взбредет на ум ночью. Ночевать с парнями девушки ночевали, но собой дорожили. Помнили наказ матери: «Хоть не тки, не пряди, но себя береги».

Чуть забрезжит свет, парни разбегались, а девушки оставались. Неотлучно при невесте была коренная подруга.

Утро свадебного дня

Самое напряженное время свадьбы — утро в день венчания. Оно все в движении, наполненности, событие следовало за событием, слезы смешивались с улыбкой, плачи с крутенькими песнями, реальный мир с вымышленным, надрыв горечи с всплесками искрометного веселья. К утру венчания прикрепились много обрядов. Все время много людей. Поразительно разнообразие действий: то символических, то реально-бытовых. Идущее из глубины веков сплеталось с современным. Спаяла песне. Она подсказывала, что и кому делать, придала всему порядок и осмысленность, одухотворяла происходящее.

Строгого следования песен и действий первых минут обрядов утра в 20—30-е годы уже не было. На одних свадьбах (Ильино) утро начиналось с обращения подружек к невесте:

Ты вставай-ко, голубушка,
Ты вставай-ко, подруженька,
А и нынешня ночь ведь последняя,
Ты спала-просыпалася
С любовными подруженьками.
Говори-ко ты нам слово тайное,
Подумай-ко думу крепкую,
Ты раздумала, может, голубушка,
Ты раздумала, может, родимая,
А и раздумала замуж идти!²⁵

После причета невесты еще начала века «кричали зорю». Наши собеседницы «зорю не кричали», а в памяти только и задержалось:

Ты зоря ли моя, зоренька,
Ты зоря моя восточная.

Вместо кликанья зори утвердилось обращение девушек к матери невесты в другую комнату. От лица дочери они просили ее зайти во нову горенку:

Ты зайди, родима мамонька, да,
Во мою во нову горенку, да,
Уж ты сядь, родима мамонька, да,
На диван-от под окошечко, да,
Посмотри, родима мамонька, да,
На меня, на молодую-молодешеньку, да,
Погляди, родима мамонька, да,
На мою на девью красоту, да,
Уж я красила красоту, да,
Уж я днем против солнышка, да,
Уж я ночью против месяца, да,
Как поблекла моя девья красота, да,
Как у мужа в руках-рученьках, да,
У мужа в руках, у свекра в кулаках, да.²⁶

Мать входила в горницу. Встав на колени перед дочерью, зажав в руке фартук и поднося его к губам, глазам, начинала «вить», выпечная материнское горе от предстоящей разлуки с сердечным дитятком, которому

предстоит кориться «во строгом замуже». Причеты матери так искренни, что она невольно покачивалась из стороны в сторону под грузом горя и отчаяния. Забывалось все хорошее, что связано с браком, устройством судьбы дочери. Забывалась опаска, что девка засидится, что дочери — такой товар, который не долго лежит, что прокатятся годы как вешние воды. Забывалось. Оставалась одна невыкриченная боль, сжимавшая сердце. Плачем мать точно предсказывала начало бабьей жизни в чужом доме, когда на сердитое слово не обижайся, на ласковое не надейся. У батюшки дочь жила между пальчиков, а у мужа будет жить в руках. Горе качало родну мамоньку;

Ой, ты милое дитяtko,
Носила я тебя малешенька,
Да уродилась ты хорошенька,
Да и, родное ты мое дитяtko,
В эту ночку-ноченьку
Да и спалось тебе малешенько.
Не видала ли ты сон —
Свою девью красоту?²⁷

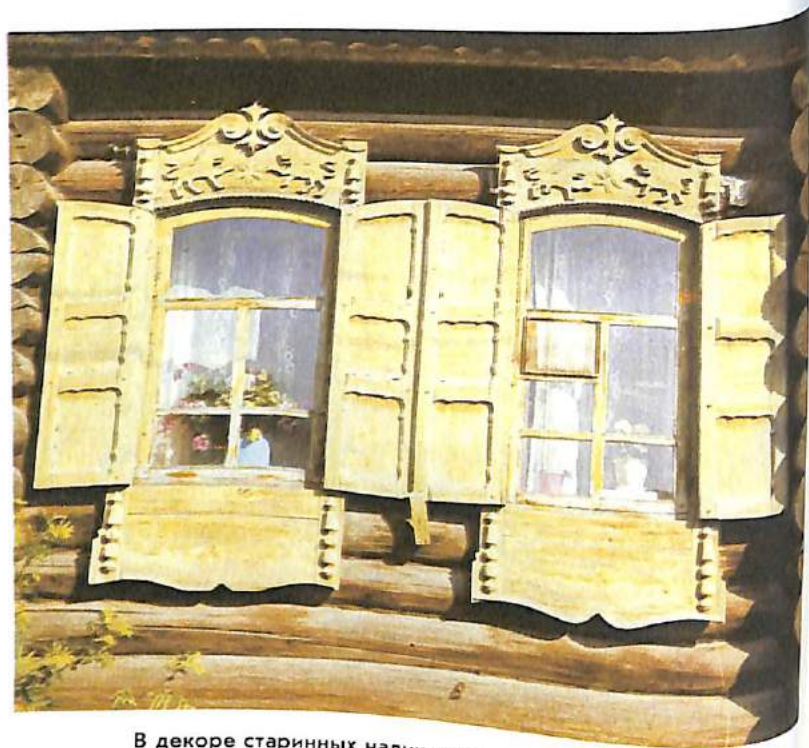
Время не ждало. Уже топилась баня. Подруги знали свое дело. Пора им ехать к жениху за веником, чтобы помыть невесту, попарить.

Баня

Топила баню мать. В Ирюме ей помогала крестная невесты. В доме жениха девушек ждал украшенный лентами, лоскутками, бумажными цветами веник, а также стол с пряниками, орехами и прочей девичьей радостью. Поблагодарив за угощение, они брали веники, садились в кошеву, приготовленную женихом, и ехали на его конях по селу, размахивая веником, и ехали лотушкой по пустому ведру. Выглядывали люди в окна, смотрели, угадывая, у кого баня, и торопились успеть к выводу невесты.

Крестьянская изба богата не только углами, но и воротами

В декоре старинных наличников всегда кроется глубокий смысл, как правило, это символы обереги жилья

Отголоски старинных посиделок «Три девицы под окном прями поздно вечером»

Домотканые дорожки вносили праздник в крестьянское жилье

Шерстяная домотканая скатерть, поверху — льняная, вязанная крючком, бывало, вместе украшали праздничный стол

Рушник с вышивкой «по перевити». Узор с древней символикой — в центре древо жизни

Зауральские ковры на выставке прикладного искусства — новь местного домашнего убранства

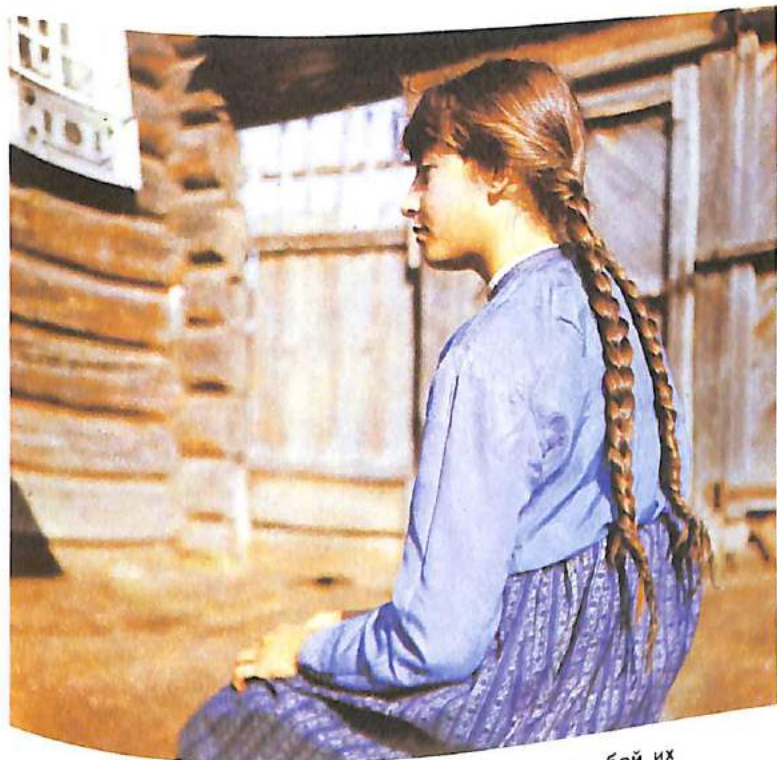
Важный момент свадебного обряда: расплетание
девичьей косы, заплетание по-свадебному

Невеста в свадебном наряде перед приездом ж
них

Свадебная коса плетения «во мельчато зернышко»

Две косы — девичья примета. Перед свадьбой их переплетут в одну

Прическа замужней женщины — «прививание кос к голове»

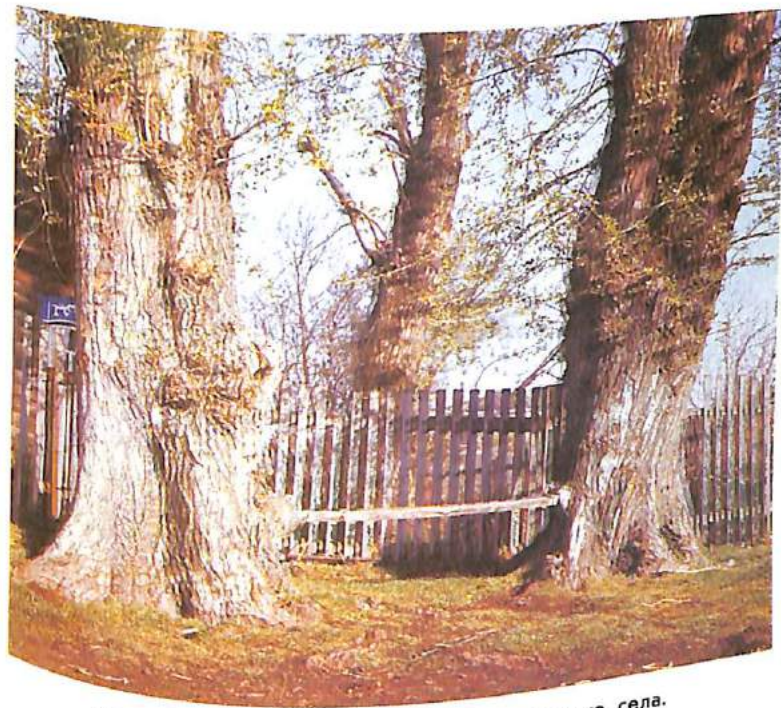

Убор замужней женщины с шишмуркой и фэйшонкой

Завральский женский головной убор — фашонка,
раскинутая на плечи

Вековые тополя — старожилы завральского села.
Сколько свадеб они видели

Шишмурка с фашонкой — украшение

Пока девушки ездили из конца в конец села, коренная подруга готовила «куть за занавесью», к ковро прикрепляла веточку сосны, которая обозначала чистоту невесты, ее «девью красоту». Под ковром ставилась лавочка, к которой придвигался один из столов. Это и есть, по местным толкованиям, «куть за занавесью». «Это так, для песни, — заметила М. С. Горбунова. — Для чего-то пели и говорили про куть за занавесью. Так уж называли место, где сидела невеста на последней вечерке. А так-то куть — место от чела около печки».* Ставили еще один стол. Места в горнице все-му хватало.

Приехав с веником, девушки начинали как бы еще раз будить невесту, рассказывая песней, почему они осмелились потревожить сон ее:

Да вставай-ко, голубушка,
 Ты вставай, подруженька,
 А и нынешняя ночь ведь последняя,
 Ты спала, просыпалася
 С полюбовными подруженьками.
 Говори ты нам слово тайное,
 Ты раздумай-ко думу крепкую,
 А скажи-ко нам слово тайное,
 Ты раздумала, может, голубушка,
 Ты раздумала, может, родимая,
 А и раздумала замуж идти?²⁸

Обращение к невесте удивительно деликатно, ласково. Вслед за девушками невесту будила мать, напоминающая: «Пора, пора, дитятко». Родной дом в песне наполнен добротой, лаской, уютом:

Вставай, вставай, моя голубушка,
 Вставай-ко, мое дитятко,

* Отгороженная куть — традиционное место одевания невесты в русской свадьбе, что связано с представлениями об оберегающей роли печи как древнего культового очага.

Ты спала да выпалася
На моей мягкой постелюшке,
Собирайся в баню-парушку,
Шелковы веники распарены,
Ключева вода nanoшена.²⁹

Причет матери сменялся причетом подружек:

Вставай, наша подруженька,
Баня-паруша истоплена,
Щелока да засыпаны,
Веники у нас распарены,
Расплетай-ко русу косоньку,³⁰
Собирайся в баню-парушку.

Девушки хвалили баню, торопили невесту:

Собирайся-ко, подруженька,
Собирайся-ко, наша милая,
Как у нас паруша истоплена,
Ключева вода nanoшена,
Новы щелоки заведены,
Шелковы веники распарены.³¹

Невеста вставала, одевалась в нарядное платье. Хотя в песне и напоминалось, что нужно расплестать русу косоньку, но косу ей не расплетали. Видимо, обряда расплетания косы в Поирюмье уже не было на начало XX века. О нем не помнят старожилы даже по рассказам своих бабушек, хотя надо сказать, что многие выпавшие звенья обряда они сохранили в памяти именно как воспоминания о старине, переданные им старшим поколением.

Невеста подходила к родителям, низко кланялась: «Тятенька с мамонькой, благословите идти в баню по-вечали: «Бог благословит». В окружении подружек невеста выходила на крыльцо, от которого до самой бани лежала яркая, свежая тканая дорожка.

Народу собиралось великое множество. Все считали своим правом и долгом прийти на баню невесты. А она в окружении подруг, размахивающих нарядным жениховым веником, ступала по дорожке, обмирая и не поднимая головы. Девушки пели «баенные» песни.

В Ильине и Дружинине по дороге в баню пели больше «Ты пожалуй-ко, подруженька».

Ты пожалуй-ко, подруженька,
Ты во нашу баню-парушу,
Да и наша баня-паруша истоплена,
У нас веники шелковые,
Да еще щелока да кипяченые.
Ты пожалуй-ко, подруженька,
Промывать да тело белое
Да под ало платье подвенечное,
Да под черепахову гребелочку,
Да промывать резвы ноженьки³²
Да под лаковые ботиночки.

В бане мылись только невеста и коренная подруга, остальные девушки оберегали баню. В баню невеста шла с цветами на голове, а из бани без цветов. Идя из бани, девушки разрывали веник и бросали его вместе с ленточками, цветами позади невесты. Шли медленно и пели:

После нашего бываньца
Раскатися, парна банюша,
Раскатися, парна банюша,³³
До единого до бревнышка.

Шли медленно, начиная снова и снова эту песню. Медленно поднимались на крыльцо, а народ обсуждал, как пели девушки, как ступала невеста, какие волосы у нее. Волосы, распущенные и вымытые в бане, лежали по плечам. У иных невест они чуть не до колена доходили. В Ирюме жених приходил «на баню» невесты, шел вместе с подругами до бани, ждал, когда суженая-ря-

женая вымоется. Вместе с девичьей компанией возвращался в дом невесты. Когда ее одевали, его выпроваживали. Однако косокрашение от жениха не прятали. После косокрашения он быстро уезжал к себе, где было много хлопот.

Пока женихов поезд не покажется, у зрителей перерыв, можно и по домам. К невесте могут пожаловать только девушки, родня да званая умелица плести косу, если в родне не окажется мастерицы.

После бани следовала последняя вечерка, состоявшая из ряда следовавших друг за другом самостоятельных и вместе с тем взаимно связанных событий: сборы невесты, косокрашение, приезд жениха, выводы.

Сборы невесты

Одевание невесты считалось делом очень важным. Здесь надо было много учесть. Во-первых, чтобы невесту не испортили, нельзя забыть положить ей стручок гороха с девятью горошинами, а в ботинки насыпать мак или песок. Во-вторых, надо так ее нарядить, чтобы «хоть кому на ладони поднести». Одним девушкам с таким важным делом не управиться, поэтому заходила в горницу крестная и кто-нибудь из молодых женщин, умеющих плести косу «рогожкой» — особым плетением.

На невесту надевали нижнюю рубашку, обязательно вышитую. Красным крестом шитые, бежали друг за другом петухи по подолу, груди и оплечью. У иных невест были припасены рубашки, вышитые цветами, ягодами, листьями. На рубаху надевали юбку и укороченную кофточку — «рукава», сверху файник, который подпоясывали вышитым поясом. Пояс завязывали с правой стороны. Само собой разумеется, надевали чулочка. Человек жалью живет, а одевание невесты — особая статья. Нужны и сострадание, и торжественность.

У девчонок все впереди, а женщинам ведомо замужество. Песню пели не только о невесте, но и о себе, о своей невестинной поре, что прошла-прокатилась. В переливах старинного проголося ликование сливалось с такой болью, что не плакали только деревянные стены.

Даже если душа заходила от радости быть женой любимого, невеста непременно «куксилась». Сердце светилось счастьем, а песня принимала. Певицы старались гостей разжалобить и самих поплакать. Они помнили давнее поверье: «Не наплачешься за столом, наревешься за столбом». Но получалось, что сама жизнь за себя вставала, отстаивая право на песню. Поверье поверьем, но и от жизни не уйти. Многое о чем пелось, было рассказом о понятном, знакомом, реальном. Никакой корабль никаким ветром, понятно, в Ирюм не заносило. Не та речка, чтобы корабль держать. Но поди ж ты, чудилась она той рекой, по которой и уплывет невеста. Песня как зеркало отражала одевание невесты и пророчествовала будущее. Настанет время, когда дочь по неписаным законам народного быта должна будет возвратиться ненадолго в родной дом. Объяснение этому возвращению здесь издавна нашли: шить приданое.

Ой, снаряжала Фросю мамонька,
Дак и снаряжала Фросю мамонька

Дак и в ало платье ой матерчато,
Дак и в ало платье ой матерчато,

Дак и в белу шаль ой кашемирову,
Дак и в белу шаль ой кашемирову.

Дак и выводила Фросю ой мамонька,
Дак и выводила Фросю ой мамонька

Дак и к быстрой реченьке ой на берег,
Дак и к быстрой реченьке ой на берег,

Да и к корабельщикам ой на корабль,
Да и к корабельщикам ой на корабль.

Да и корабельщички ой и отплыли,
Да и корабельщички ой и отплыли,

Тогда мамонька ой спохваталася,
Тогда мамонька ой спохваталася:

— Да ты когда же, родна ой доченька,
Да ты когда же, родна ой доченька,

Да ты когда же в гости ой прибудёшь,
Да ты когда же в гости ой прибудёшь?

— Да я не гостенькой ой прибуду,
Да я не гостенькой ой прибуду,

Да я малой пташечкой ой прилечу,³⁴
Да я малой пташечкой ой прилечу.

Одетую невесту положено особым образом приче-
сать, раскрасить ей косу. Коса — девичья краса, красу
нужно показать, как и красоту девичества.

Косокрашение

Плести косу не каждая женщина умела. «А я ловко
плела, — погордилась Е. Е. Леонтьева. — Как-то взя-
лась да внучке заплела. Теперь кос у девок не осталось,
хоть бы одной невесте порядком заплести».

Косу плели «рогожкой» в пять сосенок, вплетая алую
ленту и втыкая множество гребенок. Песня приглашала
родимую мамоньку зайти в нову горенку, заплести до-
чери «трубчатую косу во пшенично мелко зернышко».
Невеста боится, что «куры-свашеньки» торопятся рас-
плетать девью красоту. Надеюсь еще покрасоваться, она
молит завязать в волосы узелок, да не один:

Ты зайди, родима мамонька,
Во мою во нову горенку.
Ты возьми, родима мамонька,
Черепашову гребелочку.

Расчеши, родима мамонька,
Мою буйную головушку,
Заплети, родима мамонька,
Да м о ю трубчатую косу.

Заплети, родима мамонька,
Да мою трубчатую косу
Во пшенично мелко зернышко,
Во-о мельчато во маково.

Во пшенично мелко зернышко,
Во-о мельчато во маково,
Среди трубчатой косы
Завяжи-ко узелок, да не один.

Среди трубчатой косы
Завяжи-ко узелок, да не один.
Куры-свахи торопятся
Расплетать трубчатую косу.

Куры-свахи торопятся
Расплетать трубчатую косу,
Я еще покрасуюсь
В своей во девьей красоте.³⁵

Невесте нельзя отказывать. Мать подходила, но не
плела девью красоту. Зато старались мастерицы, завя-
зывая множество узелков, чтобы «куры-свашеньки» по-
копались, когда придет их черед — расплестать косу и
заплетать две. В доме батюшки косу плетут на часок,
а свашеньки заплетут на век, поэтому с девьей косой не
торопились.

Пока заплетали косу, не одна песня лилась-перели-
валась. Пели и такую:

Дак ты-от сидела в новой го-
В новой горенке,
Дак ты-от сидела в новой го-
В новой горенке.

Дак на дубовой белой ла-
Белой лавочке,
Дак на дубовой белой ла-
Белой лавочке.

Дак под цветистым око-
Окошечком,
Дак под цветистым око-
Окошечком.

Дак и под немецким стеко-
Стеколышком,
Дак и под немецким стеко-
Стеколышком.

Дак и чесала буйну го-
Головушку,
Дак и чесала буйну го-
Головушку.

Дак и черепаховой гребе-
Гребелочкой,
Дак и черепаховой гребе-
Гребелочкой.

Дак и-от плела трубчату ко-
Трубчату косу,
Да и-от плела трубчату ко-
Трубчату косу.

Дак и я плела ее, выпле-
Выплетывала,

Дак и я плела ее, выпле-
Выплетывала.

Дак во корень два булатных но-
Булатных ножа,
Дак во корень два булатных но-
Булатных ножа.

Дак во середь два разноцветных ка-
Камушка,
Дак во середь два разноцветных ка-
Камушка.

Дак во конец косы алу ле-
Алу ленточку,
Дак во конец косы алу ле-
Алу ленточку.

Как приедут ко мне сва-
Свашеньки,
Как приедут ко мне сва-
Свашеньки

Дак расплеть мою трубчату ко-
Трубчату косу,
Дак расплеть мою трубчату ко-
Трубчату косу.

Дак на мою алу ленту засмо-
Засмотрятся,
Дак на мою алу ленту засмо-
Засмотрятся.

Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся,
Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся.

Дак доплетут до середь моей ко-
Моей косы,

Дак доплетут до середь моей ко-
Моей косы.

Дак на камни разноцветны за-
Залюбуются,
Дак на камни разноцветны за-
Залюбуются.

Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся,
Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся.

Дак доплетут до двух булатных но-
Булатных ножей,
Дак доплетут до двух булатных но-
Булатных ножей.

Дак приобретут свои белы ру-
Белы рученьки,
Дак приобретут свои белы ру-
Белы рученьки.

Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся,
Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся.

Дак побегут они на Дунай — ре-
Дунай-реку,
Дак побегут они на Дунай — ре-
Дунай-реку.

Дак побегут они умывать белы ру-
Белы рученьки,
Дак побегут они умывать белы ру-
Белы рученьки.

Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся,

Дак я в своей девьей красоте по-
Покрасуюся.

Укладывался в пять елок шелк волос, а песни следо-
вали своим чередом, увязывая в единый узелок чувства
матери и дочери. Были или нет в прошлом песни-обра-
щения к батюшке, братцу, сестрицам, трудно сказать.
Они не запомнились, их не знают даже в пересказе.
Зато живы песни, адресованные к матери.

В народном искусстве логика событий во многом
определяется этикой героев. Свадьба по Ирюму — тому
подтверждение. По народной этике, добром следует
платить за добро, состраданием за сострадание. Голос
матери, пронзительно-надрывный, наполненный заботой
и переживаниями, не мог не быть услышанным до-
черью. Нравственная, эмоциональная глухота невесты
не допустима. Поэтому, доплетая косу, женщины вместе
с девушками обращались к матери от лица дочери.
Дочь тоже подпевала.

Маремья Феоновна Конищева из Самохвалова вы-
ходила замуж в войну. Она запомнила часть песни-об-
ращения к матери, знает и другие. «Война, а у меня
свадьба. Бедность, ничего нет, а песен пели много. Во-
лос у меня был сильный. Когда с ним управишься? Под
шишмурку не улезли, так свахи отполоснули сколь-то.
Лежат они, ждут. Помру, покойницкую подушечку сде-
лают. Много насобирвалось. Как чешу, что счесется,
все в мешочек. Волос нельзя раскидывать», — вспоми-
нает и учит — рассудительно, умно, доброжелательно.
На песню тоже не скупится:

Ты зайди, родима мамонька,
Во мою во нову горенку,
Погляди, родима мамонька,
На мою на девью красоту,
Она вьется, увивается...

И вдруг заплакала: «Ой, девки, не помню, а знала. Давно не певала, теперь на свадьбах все больше веселятся. Куда тебе! Машины, ленты, кукол насадят, кольца на машине, вино, всякое кушанье. Одних расходов не сосчитать, а пожилы год, и что дале? Ты мне не родня, и я тебя не знаю. Эк-то не ладно. Поплакать на свадьбе надобно».

Забываются песни, но, вероятно, и 50 лет назад певцам и слушателям не все было ясно в старинных песнях. Так, Неясное старались понять и объяснить, как умели. Так, символ девичества — «девью красоту» — Маремея Феоновна толкует по-своему. На наш вопрос о девьей красоте без тени раздумья ответила:

— Девья красота? Щеки невесте подрумянят, губы. Ведь подкрашивались же немного...
Но вернемся к свадьбе.

Увидев свою дочь нарядно убранной, украшенной белым венчиком цветов, алой лентой и «гребелочками», мать вскрикивала, боясь за эту чистоту и воздушность, просила дочь раздумать выходить замуж. Она поверяла свое ретиво сердце дочери, молила помощи у добрых людей:

Раздумай, мое дитяtko,
Выходить во строгий замуж-от,
Кориться да золовушкам,
Кориться да сношеницам.
Не во времечко, мое дитяtko,
Призадумай-ка, мое дитяtko,
Да приговорите, люди добрые,
Как мое-то сердечно дитяtko,
У меня ведь болит ретиво сердце,
Кипит у меня кровь горячая,
Да останусь я сиротинушкой.³⁷

Умение «выть» почиталось, хотя не всем оно удавалось. «Горя много, а выть не научилась», — с сожалением заметила А. А. Пермякова. Воспринимались плачи

как повествование о настоящих чувствах и настоящей жизни. М. С. Горбунова заплакала, когда сказывала речитативом причет: «Это все про жизнь. У меня дочь».

Наособицу отмечала свадьба невесту-сироту. К сиротству у русского народа всегда было человеческое отношение. Помощь сироте расценивалась самой высокой мерой: «Не строй церковь, пристрой сироту». Невесте-сироте пели «Березоньку»:

Много, много у березоньки
Много листу, много палисту,
Много, много у Любоньки
Много роду, много племени.

Много, много у Любоньки
Много роду, много племени,
Только нету у Любоньки
Нет родимой, родной мамоньки.

Только нету у Любоньки
Нет родимой, родной мамоньки,
Снарядить-то тебя есть кому,
Проводить-то тебя некому.

Снарядить-то тебя есть кому,
Проводить-то тебя некому,
Кабы на эту пору-времечко
Неоткуль взялась да появилась,

Кабы на эту пору-времечко
Неоткуль взялась да появилась,
Неоткуль взялась да появилась
Да твоя родима мамонька.

Неоткуль взялась да появилась
Да твоя родима мамонька,
Она поглядела бы да посмотрела бы
На твою на девью красоту.³⁸

Несколько раз в утро пелась необрядовая песня «Ягодка на веретейке», которую здесь считают свадеб-

ной. Заметим, что у семейских она тоже входила в свадьбу:

Ягодка на веретейке,
А я, молода, на чужой стороне.

Я, молода, на чужой стороне,
Плакать не смею, тужить не велят.

Плакать не смею, тужить не велят,
Только велят потихоньку вздыхать.

Только велят потихоньку вздыхать,
Встала к шесточку, задумалася.
Встала к шесточку, задумалася,
Свила свои ножки, пошла по дорожке.

Свила свои ножки, пошла по дорожке,
Навстречу молодой едет гость дорогой:

Навстречу молодой едет гость дорогой,
Едет гость дорогой, родной батюшка мой.

Едет гость дорогой, родной батюшка мой,
— Ой, чья ты, откуда, куда ты пошла?

Ой, чья ты, откуда, куда ты пошла?
— Ой, тятенька, тятенька, я дочка твоя.

— Ой, тятенька, тятенька, я дочка твоя.
— Где у тебя, дитяtko, белое тело?

— Где у тебя, дитяtko, белое тело?
— Бело тело работа изъела.

— Где у тебя, дитяtko, алы румяны?
— Алы румяны изъели туманы.

— Где у тебя, дитяtko, белы белила?
— Белы белила дождями посмыло.

— Где твои, дитяtko, русые косы?
— Русые косы у свекра в руках,

Русые косы у свекра в руках,
У свекра в руках, у мужа в кулаках.³⁹

В разных селах песня обростала подробностями. Е. А. Емельянова из Ильина напела вариант, в котором высвечена домашняя старообрядческая иерархия. Начало песни одинаково: в чужом доме молодая одинока. А далее узнаем, как она пытается отпроситься домой:

Да встала к шесточку и заплакалася,
Да стала у мужа и отпрашиваться.

— Не сам я большой да не сам большецкий,
Да есть у меня, есть постарше меня.

Да есть у меня, есть постарше меня,
Есть постарше меня да родной тятенька.

Есть постарше меня да родной тятенька,
Да паче того родна мамонька.

Да паче того родна мамонька,
Да свекор молчит и свекровка молчит,

Да свекор молчит и свекровка молчит,
Со мной, молодой, один муж говорит,

Со мной, молодой, один муж говорит.
Подвила ножки да пошла по дорожке,

Подвила ножки да пошла по дорожке,
Навстречу младой едет гость дорогой.

Навстречу младой едет гость дорогой,
Едет гость дорогой да родной тятенька мой.

- Да чья ты, откуда и куда ты пошла?
- Да я тебе, тятенька, дочка родна.

Да я тебе, тятенька, дочка родна,
Да дочка родна, дочь возлюбленная.

- Да где у тебя, дитяtko, девья краса?
- Да девья краса улетела в леса.

- Да где у тебя, дитяtko, белое тело?
- Да белое тело у мужа в руках,

Да белое тело да у мужа в руках,
У мужа в руках, во шелковых плетях.

- Да где у тебя, дитяtko, руса коса?
- Да руса коса к голове привита.⁴⁰

3. В. Ядрышникова из Самохвалова подпела еще два стиха из разговора тятеньки с родным дитяtkoм:

- Где у тебя, дитяtko, белы белила?
- Белы белила ветрами смело.

Заходило сердце. А вдруг так и станется? Жизнь прожить — не в мешок сложить. «Чтоб не надселись мать и невеста», девки высказывали на середину горницы и звонко заводили крутенькие песни, все больше про любовь да про что повеселее.

Светлело на душе, теплились улыбки, песни казались не про нашу невесту. Когда веселье захлестывало всех, женщины обдавали резким холодом причета: «Ты зайди, родима мамонька» или песни «Снаряжала меня мамонька». Как в самой жизни, все смешивалось: смех и слезы, пляска с горьким стоном. Воедино сливались «разгулье удалое» и «сердечная тоска», высвечивая две грани доли старообрядки. Будет она матерью, женой, будут праздники и радость, будет она хранительницей домашнего очага и «древлего русского благочестия».

Но будет жизнь в доме свекра, где ей не устанут напоминать: «Не по курице спесь! Не кичись, лучше поклонись». Жизнь прожить — не поле перейти.

Приходила родня невесты, каждый с подарком, который клали на лавочку, специально поставленную рядом со столом. Мать, не зная, куда голову приклонить, снова подходила к дочери, снова кричала в ее колени свою боль. Традиция требовала, чтобы все видели горе матери, отрывающей от себя «сердечно дитяtko»:

- Да ты, родимая моя доченька,
- Да я носила тебя под сердечушком,
- Да принимала я муку-смертоньку,
- На белый свет тебя рожаючи.
- Да ты во замуж пошла, во замуж пошла,
- Да во замуж пошла, во чужьи люди.
- Да в чужих-то людях жить кислешенько,
- Да там свекровушка-то неласкова,
- Да будет на тебя зверем глядеть,
- Да держи голову низехонько.
- Да ты, родное мое дитяtko,⁴¹
- Да ты, родимое, роженое.

И опять девчата дробили под крутенькие песни и даже затевали игры «Монахом» или пели «Мы сеяли, сеяли ленок». А иная нараспев растягивала подходящую к случаю крутенькую, вызвав новый прилив горячи:

- Я последний, мамка, раз
- Да за столом сижу у вас.
- Мне-ка не дали поисть,
- Все слезами залились.

Утро в доме жениха

В доме жениха свои заботы. Жених просыпался рано. Известно, кому жениться, тому не спится. Утром крестный топил баню, наносив воды и дров. В 30-е годы жених в баню ходил с дружкой и тысяцким, но тысяцкий не мылся, а стоял около бани — на карауле. Перед баней

он благословлял жениха: «Во имя отца и сына и святого духа, благослови тебя господь в баню сходить».

После бани жених одевался под присмотром тысяцкого. Надевалась вышитая рубашка. По рисунку и цвету вышивка не отличалась от вышивки невестинной рубахи. В 20—30-е годы рубашка уже не была до колен. Длина ее была «нормальной» — по бедрам. Портки (нижнее белье) домашнего покроя шились из домотканого холста. Сверху надевались штаны, на которые напускалась рубашка, подпоясанная тканым поясом, подаренным невестой. На ноги надевались шерстяные вязаные чулки или носки, и сапоги. Штаны заправлялись в сапоги, на которые напускались невестины портянки. В сапоги жениха тысяцкий насыпал мак или песок, а в карман крал стручок гороха с девятью горошинками.

Тысяцкий осматривал разукрашенные кошевы, дуги с колокольчиками, коней. Мать жениха с крестной — коренной свахой — ставили на столы небольшое покупное угощение. Не надо говорить, что дом сиял, как невеста. Все вымыто, вычищено, в простенках вешены вышитые полотенца, горела перед образами лампада.

Собирались парни, родня. Сияющего жениха опевали песней «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?». Ждали «молчан».

Молчаны — свадебный чин, две подруги невесты. Им выпадала честь приглашать жениха к невесте. Когда невеста была собрана, в достаточной мере опета, полагалось дать знать жениху. Две девушки, взяв чистый платок, отправлялись к нему в дом. Молча проходили улицей, а то и ехали в соседнее село, молча проходили двор, поднимались на крыльцо, проходили сени, молча переступали порог и останавливались. Доставали платок и расстилали у своих ног. Молчали, как будто несли молчаную воду для гадания.

— Дорогие гостьюшки, пожалуйста к столу.

В ответ ледяное молчание, бровь не шевельнется, губы не дрогнут. Тогда друзья жениха начинали на платок класть угощение. Молчание. Добавлялось еще. Мол-

чание. Несли больше. Когда молчаны решали, что получили достаточно, то поднимали платок с угощением и произносили: «Наша невеста готова, в бане-паруше попарена, в цветной платье разряжена. Мы вам сказали, а вы хоть век не бывайте» — и уходили.

Приход молчан говорил, что пора ехать за невестой. Мать благословляла сына, отец стоял рядом с ней, тысяцкий выводил жениха во двор, садился с ним в первую кошеву, во вторую — дружка с коренной свахой, в третью набивались поезжане. Поезд жениха состоял в меньшей мере из трех кошев. Это уж бедный. Поезд в пять-шесть надо, а то что это за поезд, что за князь молодой!

Встреча поезда

Невесте не надо было выглядывать в окна: приехали жених? Она уже знала: если запоют «Кони-то бегут», значит, пора встречать жениха. Некогда мешкать, кони бегут, воронные мчат. «Песельницы» попорядку рисовали женихова коня, начиная с ушей. Когда М. С. Горбунова сбилась, то поправилась быстро: «Стой, девочки. Как это я черед сбила! Сперва надо про спину, потом про хвост». И спела «чередом», возвеличивая жениха:

Кони-то бегут,
Воронные мчат,
Воронные мчат.

А Иванов конь
Наперед забегаг,
Наперед забегаг.

А уши у коня —
Два булатных ножа,
Два булатных ножа.

А очи у коня —
Два злаченых кольца,
Два злаченых кольца.

А шея у коня
Грядёй,
Грядёй.

А спина у коня
Скамей,
Скамей.

А хвост-от у коня
Трубеёй,
Трубеёй.

А брюхо у коня
Сельницей,
Сельницей.

А ноги у коня
По версте,
По версте.⁴²

Встречали женихов поезд уже в 20-е годы в одном и том же селе по-разному. Кто ворота закрывал, кто распахивал настезь. Неизменным было одно — встреча поезда у ворот и угощение приехавшими встречавших пивом или вином. Угощал тысяцкий, стоя у приворотного столба. Родство невесты (старшие братья, замужние сестры, их мужья, тетки, дяды) с поклоном приглашало: «Пожалуйте, гости дорогие, на широкий двор».

Одна из самых пожилых информанток А. З. Гордиевских (1903 г. р.) недоумевает, зачем закрывать ворота, если за женихом молчань ходили. Посылала молчан, стало быть, звала. Звала, так принимай, а не запирай ворота на засов, не срами людей, будто они не жданы, не званы. Зачем же женихов поезд ставить ниже нежданого гостя? «Это теперь завели порядок не пускать в дом жениха. Какой-то выкуп, прости господи, требуют. Вот и скачет женишок у крыльца, как кобелек через заплотики», — гвоздит она современные веяния в свадьбе по Ирьюму.

Там, где ворота были открыты настезь, поезд въезжал не сразу. Все тройки останавливались у ворот, ты-

сяцкий угощал вином или пивом встречавшую их новую родню и проводил поезд во двор. Через двор была протянута веревка, на середине которой был привязан цветок. Так выделялось место для коня жениха. Цветок жених брал себе. Поезжане размещались без определенного порядка, где кому казалось удобно.

Неторопливо располагался поезд, давая себя оглядеть всему собравшемуся селу. На тысяцком расстегнута шуба, чтобы видно было расшитое полотенце, перетянувшее его через плечо и завязанное у пояса. У его двух помощников-друзек на груди по красному цветку. Коренная сваха выделялась красивой шалью и важной повадкой. Из горницы доносилась песня о том, как «въехал зять ко тестю во двор». Въезд его подобен грому по всем городам. Поющие не скупилась на преувеличение достоинств женихова поезда, в то же время изображали его появление как пугающую неожиданность:

Вот и грянул гром по всем городам,
Вот и въехал зять ко тестю во двор,
Просит зять у тестя дубова столба,
Дубова столба для своего коня.

Вот и просит зять у тестя дубова столба,
Вот и просит дубова столба для своего коня,
Просит зять у тестя боярам места,
Просит зять у тестя коням овса.⁴³

Тысяцкий подводил поезд к крыльцу и вытягивал его в две линии. Слева вставала вся мужская половина приехавших, начиная с жениха, а с правой — женская, начиная со свахи.

Ждали невесту. Ждали ее и односельчане. Это был звездный час девушки, ее величия, власти, красоты, молодости. Ей предстояло «выбрать» жениха. В паре с коренной подружкой, сопровождаемая матерью, отцом, родством, подружками, невеста выходила на крыльцо. На нее смотрели, как на сказочную царевну, оценивали, как заплетена и убрана коса, как отлива-

ет тяжелый фаяр наряда, какие цветы на голове. Последнее очень важно. По цветам уже угадывалось будущее положение молодой в доме мужа. Знающая себе цену невеста, уважаемая женихом и его родителями, не надеет цветы, уже надетые и купленные по дешевке, а того хуже, взятые на подержание у родственников жениха. Бойкие девушки ставили условие: «Нужна сноха, жена, так разоритесь на цветы». Редко кто осмеливался экономить на цветах, но были и такие, у которых «шуба лежит, а шкура дрожит».

Невеста держалась царевной. Если что не так, подружка рядом, в нужный момент подсказывала, а неловкости скрашивала песня:

Вьюн над водой, вьюн над водой,
Ох, вьюн над водой извивается.

Зять у ворот, зять у ворот,
Ох, зять у ворот убивается.

Вывели ему, вывели ему,
Ох, вывели ему ворона коня.

— Это не мое, это не моё,
Ох, это не мое да не суженоё.

Вынесли ему, вынесли ему,
Ох, вынесли ему сундуки добра.

— Это не мое, это не моё,
Ох, это не мое да не суженоё.

Вынесли ему, вынесли ему,
Ох, вынесли ему решето овса.

— Это не мое, это не моё,
Ох, это не мое да не суженоё.

Вывели ему, вывели ему,
Ох, вывели ему красну девицу.

— Это вот мое, это вот моё.

Это вот мое, мое суженоё.⁴⁴

Как в сказке, невеста смотрела на народ, как бы выбирая жениха. Медленно спускалась по ступенькам, здоровалась по ручке через платочек с женихом, тысячеким, наехавшими боярами-соколами. Ни один из приехавших не оставался без внимания. Невеста переходила к женской половине и каждой, кто здесь стоял, подавала уважительно руку. Дойдя до свахи, которая стояла у крыльца против жениха, ручкалась с ней, поклонившись, и переходила к суженому-ряженому. Он терпеливо ждал. Невеста брала его за руку и вела по ступенькам в дом. С высокого крыльца они были видны всему миру. «Это теперь, — сетует Анна Захаровна, продолжая сравнивать былую и современную свадьбу, — сыграют свадьбу, как украдут ее. Промчатся на машинах, только пыль клубком. Девятый десяток на свете живу, а ек-то не бывало, чтобы невесту не показывали народу да поезжан не пускали. Кому этакая свадьба глянется, когда невесту не видать?»

Вела невеста жениха через сени и избу в горницу, подводила к «кути за занавесью» и усаживала рядом с собой по левую руку. От всех участников свадьбы их отгораживал стол. Сзади пламенел розан на черном полетканого ковра.

В горнице набивалось много народу: своя родня, женихов поезд, подружки. Песня обращалась к народу пропустить тысяцкого и сваху:

Кто-то бьется-колотится
Круг кисейною занавесици.

Разбахнися да, занавесица,
Да расступитесь, люди добрые,

Да расступитесь, люди добрые,
Пропустите дорогих гостей.

Пропустите дорогих гостей:
Тимофея Естратьевича.

Тимофея Евстратьевича,
Еще Вассу Максимьяновну,

Еще Вассу Максимьяновну.
Ко душе, ко красной девице,

Ко душе, ко красной девице —
Катерине Екиндиновне.⁴⁵

Этой же песней просили пропустить других «дорогих гостей», называя каждого по имени-отчеству, включая и молодых парней.

Тысяцкий подходил к родителям невесты и передавал деньги-калым: «Что обговорено, то и привезено». Затем брал у дружки и ставил на стол выряженные на просватке вино, пиво, всякую стряпню, хотя на столе и без того было тесновато от невестиного угощения. До девяти возов зерна-калыма стояло во дворе.

— Дорогие тысяцкий, сваха, гости дорогие, пожалуйте за стол хлеб-пиво кушати, пирог рушати.

Тысяцкий и сваха не ждали второго приглашения, к столу садились дружки, а также простые поезжане. Отец невесты раскрывал собственный рыбный пирог.

У девок своя забота — получить у тысяцкого что-нибудь на «белы белила, на алы румяна». Обступив его хороводом, славили:

У нас тысяцкий богатенькой,
Он богатый, тороватенькой,
Он богатый, тороватенькой,
Он с гривны на гривну ступает,
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота открывает,
Он рублем ворота открывает,
Нам, девушкам, денежки надо,
Нам, девушкам, денежки надо,
Что нам на белые белила,
Что нам на алые румяна.⁴⁶

Первая величальная песня выделяла тысяцкого как главного распорядителя свадьбы. Его старались умас-

лить, потому что будущий ход торжества связывался с его умением, расположенностью, знаниями. Кто от порчи свадьбу предохранит? — Тысяцкий. Кто на покой молодых поведет и будет его охранять? — Тысяцкий. Столованье без тысяцкого и то не отвести.

Припеваемый тысяцкий сидел за столом — кум королю «Богатенькой и тороватенькой», он оделял девок денежками, понимая их нужды. Сверх того добавлял орехи, семечки, конфеты, пряники.

Вторую величальную песню пели жениху, хорошему и пригожему. Песня не только не пугала невесту женихом, но хвалила его за красоту, коня, богатство, добрую умную мамоньку. Где ни ступит этот розан, все преображается. Такой светлый человек сумел разглядеть верселую, белолицую невесту. Песня советовала невесте быть веселенькой, настраивала на радостный лад:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Пудонько хороший,
Иванович пригожий.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Хороший уродился,
Нарядный нарядился.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

По горенке ходит,
Вся горенка стонет.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

К зеркалу подходит,
В зеркало глядится.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Сам себе дивится,
Хорош уродился.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

В сени он выходит,
Сени голубятся.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

На крыльцо выходит,
Конь к нему подходит.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

На коня садится,
Конь под ним бодрится.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Плеточкой он машет,
Конь-от под ним пляшет.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

К лугам подъезжает,
Луга зеленятся.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

К дому подъезжает,
Мать его встречает.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Мать его встречает:
— Где ты, сын, гуляешь?
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

— Мамонька, гуляю,
Невесту примечаю.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

Высмотрел невесту,
Белу, круглолицу.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

На личико беленька,
На глазки веселенька.
Розан, мой розан,⁴⁷
Виноград зеленый.

Тысяцкий опять за карман: расплачивался и за величие жениха: «Вот вам за песенку, девки круглолицы, пирожные мастерицы». «Девки круглолицы» принимались за коренную сваху:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Мелодора хороша,
Ивановна пригожая,
Хороша родилась,⁴⁸
Пригожа нарядилась.

Тысяцкий благодарил и за песенку для свахи. Молодежь выводила на круг жениха и невесту, чтобы припеть поцелуйной песней. Старались выбрать песню по душевнее, чтобы упоминался женишок, колечко золотое или совет поцеловаться много раз. К случаю подходило или совет поцеловаться много раз. К случаю подходила песня «Сплю я, сплю я, во сне вижу...».

Парни и девчата веселились, как на святочных вечерах, но только в присутствии взрослых. Взрослые были рады побывать на вечерке, как будто в своей юности. То ли запретный плод сладок, то ли по какой другой причине, но старообрядцы на мирское веселье откликнулись живо, особенно на свадебное. Правда, перед уставщиком приходилось ответ держать, но при этом ссылались на важную причину — на закон родства. Свой своему поневоле друг.

Водила молодежь по полу поцелуйные песни, под стукоток ботинок пели крутенькие, радовались, что невеста замуж выходит, а жених женится. Если и не охо-

той шла подруженька на чужую сторонушку, все равно
веселились, чтобы ей было не так грустно. Кто знает,
с чем связано такое преобладание веселья. Может
быть, оно идет из той благословенной дали, когда жен
брали по обоюдному согласию, когда замужество и
женитьба были естественными и искренними. Доста-
точно свободный выбор суженых-ряженных в Поирюмье,
вероятно, помог удержаться веселью в свадьбах этого
края.

В крутеньких девчата и гостей задевали, и своих дру-
лей, и себя, и грубиянку, и подружку.

Ягодиночка ты мой,
Мы злосчастные с тобой,
Ты в деревне, я в другой,
Свиданья редкие с тобой.
У меня миленок есть
В чужой деревне, а не здесь,
Там далеко в лес пойдешь,
В жизнь такого не найдешь.

Боля женится, не верится,
Венчается, не жаль,
Только первую неделюшку
Бросало меня в жар.

Я у милого была,
Стояла под полатями,
Я за то его люблю,
Один сынок у матери.

Как жениться, боля, станешь,
Я на свадьбу приду,
У стола тихонько встану,

Может, шанежку стяну.
Я вчера на радостях
Была у болочки в гостях,
Горница не мытая,
Свекровушка сердитая.

Голубое платье сшила,
Складки сложила не так,
Я характерного болю
Уважать не знаю как.

У меня на сарафане
Петушок да курочка,
Меня трое завлекали:
Петя, Ваня, Шурочка.
С неба звездочка упала
На кривую линию,
Меня боля переводит
На свою фамилию.

Грубиянка тонкая,
Как литовка звонкая,
С крыши перекладина,
Еще смеется, гадина.

Грубиянка моя Анка,
Как я Анку не люблю,
Только те у Анки речи,
Что миленка отбою.

Грубияночка моя,
Шипуля курносая,
Тебе болю не отбить,
Хоть ты и хорошая.

Отбиваете, не знаете,
Кого и у кого,
Отбьете, так узнаете
Характер у него.

Отбиваете, не жалко,
Он не век со мной ходил,
Только эти вечерочки
Доходил, повеселил.

Завлекали, да не наши,
Завлекали, да не нас,
А как наши завлекали
Далеко живут от нас.

Боля маленький-премаленький
Задумал яниться,
Думал, этому подростку
Буду в ноги кланяться.

Мама Леню, мама Леню,
Мама Леню хаяла,
А я Ленечку любила

И души не чаяла.
Я любила его, гада,
Гада неумытого,

По печатке измывала
Мыла духовитого.
Я любила Мишу-то
За рубашку вышиту,
Рубашка шелком вышита,
Хороший парень Миша-то.

Балалайка не моя,
Моя-то дома, новая,
Эта милка не моя,
Моя-то чернобровая.
Говорят, я не красива,
Правда, не красавица,
Теперь любят не красивых,
Кто кому понравится.

Из-за леса, из-за гор
Выезжал дядя Егор,
Он на рваной на телеге,
На скрипучей лошади.

Колмаково — не весело,
Только половиночка.
Где-то дом-то без ограды?
Тут живет болиночка.⁴⁹

Отмечены были также дружки и парни без официальных чинов. Дружкам больше пели «Яшеньку», усаживая их по очереди в круг на табуретку, за что подбрасывали орехи и семечки. Парней припевали разными песнями: «Вейся, вейся капуста моя», «Я бегу, бегу до кузенки».

Припевали сваху коротенькой песенкой:

Приехала свашенька неспесивая,
Прошла в горницу, дверью не хлопнула,
Мелодора свет Затеевна.⁵⁰

Казалось, что горница становилась выше от шуток, смеха, радости. Все обрывалось, когда мать «совалась» головой к дочери в колени и «выла»: «Я носила тебя малешенька». Родне жениха тоже полагалось знать, как и ему самому, что невеста дорога в роди-

тельском доме и что отрывать ее от ретива сердца больно.

После плача тысяцкий определял: «Пора венчаться». Мать брала икону с киота и благословляла, широко крестя стоявших перед нею на коленях жениха и невесту. Икону передавала крестной невесты. Затем брала хлеб, на котором стояла солонка, и благословляла детей хлебом-солью. Хлеб оставляли дома на столе.

Тысяцкий вставал со словами: «Господи, благослови к венцу ехать». Коренная сваха и поезжане напоминали невесте, что пора в путь-дороженьку — «на нашу сторонушку», мечиво расхваливая свой край, стараясь успокоить невесту ласковыми словами и интонациями:

Собирайся-ко, нова гостенька,
Да на нашу-то сторонушку.
Уж как наша-то сторонушка,
Она сахарами уставлена
Да медами полёвана,⁵¹
Да садами усажена.

Окружение невесты обличало свашеньку-обманщицу, лстыиво уговаривавшую «нову гостеньку»:

Уж ты врешь, ты врешь, курва-свашенька,
Ваша-то сторонушка горем усажена⁵²
Да слезами-то она полёвана.

Победная невестина головушка оказывалась на двух ветрах. Ей бы одуматься, но тысяцкий уже брал жениха и выводил из-за стола. Рука крепко держала руку невесты.

Как бы видя, что невесту уже не уговорить, ее хор обращался к жениховой стороне — соколам с просьбой не «давать клевать перепелочку» ни гусям, ни лебедям, ни мелкой пташечке. Иносказательно и открытым текстом клан невесты умолял и наказывал беречь ее от обидушки свекра и свекровушки, деверя и золо-

вушки. Деликатно не упоминалось имя невесты, чтобы
не обиделась ее новая родня:

Что вечер перепелочка перепелилася,
Она перепелилася допоздна, до сумерек,

Она перепелилася допоздна, до сумерек.
Что по утру ли раным-ранешенько

Да не слышать перепелочки,
Да и не слышать перепелочки.

Налетели-то соколы, соколы,
Да они взяли перепелочку с собой,

Да они взяли перепелочку с собой,
А родна мамушка им наказывала,

А родна мамушка им наказывала:
— Соколы, вы соколы, соколы,

Соколы, вы соколы, соколы,
Не давайте перепелочку в обидушку,

Не давайте перепелочку в обидушку,
Что не давайте вы её клевать,

Что не давайте вы её клевать,
Что ни гусям и не селезню,

Что ни гусям и не селезню,
Что никакой-от мелкой пташечке,

Что никакой-от мелкой пташечке,
Что ни свекру, ни свекровушке,

Что ни свекру, ни свекровушке,
Что ни деверю, ни золовушке,

Что ни деверю, ни золовушке,
А пойте-ко вы перепелочку,

А пойте-ко вы перепелочку,
А пойте-ко медами медвяными,

А пойте-ко медами медвяными,⁵³
А кормите-ко ее ярим пшеном.

Невеста, проходя мимо стола, незаметно тянула за
конец скатерти, чтобы всех подружек и сестренок вы-
тянуть в замужество. Рука в руке жених с невестой вы-
ходили на крыльцо, за ними — тысяцкий с коренной
свахой, далее сваха от невесты и кто-то из друзей.
Следом пристраивались поезжане и провожатые. Так
ручейком в два ряда под песню «Соколы, соколы»
свадьба выходила во двор. Песня завивалась от конца
к началу, вовлекая в просьбу «не клевать перепелочку»
собравшихся односельчан невесты.

Тысяцкий садился с женихом в первую кошеву,
крестная с невестой — во вторую, в другие повозки на-
бивались остальные. Оба хора объединялись в песне,
славящей «сокола на коне» и умную-разумную невесту:

Да летел-сполетел сокол из-за гор,
Да ехал-споехал Иван на коне,
Да ехал-споехал Иван на руке,
Да сам на коне и сокол на руке.

Да сам на коне и сокол на руке,
С хорошей невестой забавляется:
— Да есть у меня, есть невеста хороша,
Да умна-разумна, да пива не пьет.

Да пива не пьет, вина в рот не берет,
Она только пьет один сладенький мед,
Да только ведь ест одни прянички,
Да только ведь ест одни прянички.⁵⁴

Поезд направлялся к часовенке или к дому устав-
щика. Входили в строгом порядке: жених с невестой,

тысяцкий со свахой, дружки и все остальные. Ступали
степенно под песню «У Михайла-архангела»:

У Михайла-архангела
Да чиста улица выметена,
Да высока колоколенка построена.
У этой церкви-матушки
Венчались отрок с отроковицею,
Венчались, величались,
Не венчались, обручались,
Золотыми кольцами менялись.⁵⁵

Как и многие свадебные песни, песня «У Михайла-архангела» была своеобразным зеркалом происходящего. Она рассказывала о традиционном русском обычае венчания. Но дело в том, что венчания как такового не было. Уставщик на жениха и невесту венцы не накладывал, а благословлял иконой да читал духовные стихи. Ни одна из былых невест не знает, что же им читалось. «А что положено, то и читал», — отрезала А. А. Пермьякова. Но что иконой крестил и велел кольцами обменяться, запомнилось. Годы не стерли «дедушковые» вопросы: «Вольно или невольно замуж идешь?», «Вольно или невольно женишься?». В соответствии с жизненной правдой песня точно отметила, что отрок с отроковицею «венчались» (их все-таки иконой благословляли) и «золотыми кольцами менялись».

Уставщик благословлял жениха с невестой иконой, которую ему подавала сваха. Она же везла икону в дом жениха. Икону ставили в передний угол. Венчальной иконой дорожили как семейной реликвией, «мамонькиным благословеньцем». Она доставалась старшей дочери, когда та выходила замуж.

Из часовенки жених с невестой выходили семьей: мужем и женой. У мирских говорили: «Плохой поп повенчает, и хороший не развенчает». Держа жену через платочек за руку, муж вел ее к своей кошеве.

Свадебный поезд во главе с тысяцким направлялся в дом жениха. Звенели колокольцы под дугами, песни летели по морозной голубизне.

Встреча поезда от венца

В доме жениха готовились встречать сына с дорогой гостьей, едущих от венца. Званные и незванные заполняли двор, чтобы посмотреть свадьбу, особенно невесту. От порога до ворот расстилалась домотканая нарядная дорожка. По ней шли виновники торжества к крыльцу, у которого стояла с иконой мать. Встав на колени, они ждали материнского благословления иконой и хлебом. Благословившись, поднимались с колен и пытались как можно больше откусить от хлеба. Зрители боялись пропустить этот момент, по откушенному куску определяли, чья будет в доме «большина». Если больше откусывала невеста, то она и должна верховодить.

Мать веником разметала перед сыном с его суженой-ряженой дорожку, пятась к крыльцу и приговаривая: «Будь в доме хозяйшкой, а не гостьюшкой. Будь в доме хозяйшкой, а не гостьюшкой». Войдя в дом, молодые по указке тысяцкого проходили в передний угол и садились за стол с обычным вечерочным угощением. Девки и парни со стороны жениха заполняли горницу на последнюю вечерку. Если жених и невеста были из одного села, то последняя невестина вечерка перебежала к жениху. Заводились те же песни, игры, что были на вечерках в доме невесты. Только обвенчанных с места не трогали, им преподносилось пышное веселье в присутствии жениховой родни. Тысяцкий обращался к свахам: «Пора, свахи. Господи, благослови подбаблывать (обаблывать) невесту». Девки с парнями схватывали свои лопотины (одежды) и высканивали из дому. Оставалась вся женихова родня,

крестный и крестная невесты, а также ее коренная подруга. Могли остаться еще человека два из провожатых невесты.

«Подбабливание»

Свахи вводили невесту в другую комнату или отгораживали ее от присутствующих шалью. Ой, не зря пелось о «курах-свашеньках», которые приступят к девьей косе. Ой, не зря утром хотела невеста защитить свою девью красоту булатными ножами, камнями разноцветными и алой ленточкой. Свахи приступали к девьей косе.

Заплетать косу невесте надо умеючи, но и распустить ее непросто. На прядках узелочки, узелочки. Пока их развязывали, невеста в своей девьей красоте красовалась. Ленточку из косы она передавала коренной подруге, а «гребелочками» просила наделить других подруг-девушек, чтобы их головы тоже украсились к венцу, чтобы они не засиживались в девках-надолблцах.

Расплетя косу, свахи делили волосы надвое, и каждая начинала плести свою половину. Загвоздка состояла в том, что из одних и тех же волос надо ухитриться сплести косу длиннее. Сплетет сваха от невесты большую.

Такую важную работу не положено делать молча. Свахи пели «Я сидела под окошечком».

Заплетенные косы приплетали кружком к затылку, натягивали на них «шишмурку». Поверх шишмурки надели «сорóку», завязав концы назад. Далее следовала фашонка, а венчала бабий головной убор шаль.

Управившись, свахи выводили убранную на бабий манер красавицу к собравшимся.

— Хороша ли наша Катеринушка?

— Хороша, хороша.

Подходила свекровь и подавала коренной свахе рубаху для молодой. Тысяцкий и свахи вели молодых на покой — «на подклет». Сваха «разболокала» молодую и надевала на нее свекровьину рубаху.

Тысяцкий и свахи вставали у входа «на подклет», оставив молодых одних.

Девкой меньше, молодницей больше. Когда приводили молодницу, вся свадьба, по воспоминаниям живых свидетелей и участников ее, «шалела. Начинался такой гвалт, как все с ума посходили. Скакали, пели бесстыдные песни, били в заслонки. Света конец». (Воспоминание Вахрушевой Е. П.)

Сваха от невесты ехала к ее родителям с «вистью» — доброй вестью и приглашала их «на столованье» — пир. Молодые отправлялись звать «на столованье» родню.

Столованье

Молодые сидели в переднем углу под образами. Им давали одну ложку, одну чашку. Рюмку, конечно, не ставили. Да и не ели они за столом. Рядом с женихом занимал место тысяцкий.

Женихова родня кучковалась по себе, а невестина — по себе. На столы подавалось пиво. Покупное вино держал тысяцкий или его помощники. Он был главным распорядителем, слово его считалось законом. Внимание уделялось всем гостям, каждого старались припеть. Всякий был волен распоряжаться своим животом: есть, что душа желала и сколько желала. С пивом принцип «Своя рука владыка» не проходил. У пива, тем более вина, был хозяин — тысяцкий. По его слову и знаку угощали свадьбу. Вино подносилось каждой паре персонально на тарелочке. При этом пелась величальная песня, в которой менялись соответственно имена:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий? и т. д.

Припетая женщина вместе с мужем одаривала молодых подарком, поздравляя, желая им того, чего себе хотели: «Жить да молодеть, добреть да богатеть». Подарки подбирались с тем, чтобы народившейся семье оказать помощь и за рамки своего хозяйства не выйти. Прикупное кусалось, старались жить со своих рук. Приносили стены холста и дорожек, насундучники, назалавочники и подзалавочники. Дарили живность: баранчика с ярочкой, теленка, птицу. Несли ложки, плошки, поварешки, скалки, мялки. Особенно хороши были глиняные латки, кружки, горшки, корчаги, сделанные в соседнем Боголюбове. Там в каждом доме работали на своем гончарном круге и обжигали в собственном горне. Матово-черным с иссиня отливала посуда. И цена подладная. Глина там всегда была рядом, ее привозить — небольшой труд, да и работа спорая. Хотя, конечно, дело мастера боится.

Иной тысяцкий умел «хорошо пошутить, людей взвеселить». К сожалению, не довелось услышать тысяцкого, а речь его никто передать не умеет. Запомнилось, что тысяцкий умело заставлял вспоминать о себе. Он просто не давал распоряжения наливать пиво. Тогда женщины понимали, в чем дело, и величали тысяцкого, хотя сами только мочили пивом губы:

У нас тысяцкий богатенькой,
У нас тысяцкий тороватенькой,
Он богатый, тороватенькой,
Он богатый, тороватенькой,
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота открывает.
Да тысяцкого мы давно не видали,
Да в сахарны уста не целовали,
Да о тысяцком мы стосковались,
Да пива давно не видали,
Да в горлышке у нас пересохло.⁵⁶

— Спасибо на песенке, но много пить — не без дива жить, — отговаривался тысяцкий.

Э, на празднике и у комара сусло, — перечила свадьба, а женщины «заворачивали» песню, т. е. начинали петь сначала: «У нас тысяцкий богатенькой».

Камень растает, не только человек от такого величания.

Доходило дело до свахи. Как правило, ее то корили как спесивую, то славиле как красивую и нарядную. Тысяцкий распорядился поднести гостям пива.

На столованье ни один человек не оставался без внимания. Нехитрая песенка в шесть стихов, но всем угождала, меняя имена припеваемых:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Устьюшка хорошая,
Ивановна пригожая,
Хороша родилась,
Пригожа нарядилась.⁵⁷

Припетые песенкой вставали, поздравляли молодых, желали добра, хорошей семьи, совета да любви, одаривали молодых. Старались пригласить гармонщика. Это уж в 30-е годы. Раньше уставщики запрещали. Как и повсеместно, у старообрядцев во время веселья гармошке — первый чин. Пускались в пляс женщины и мужчины, славя гармониста, подзадоривая его, подшучивая над ним:

Я любила гармониста,
Гармониста тешила,
Я ему через плечо
Сама гармошку вешала.
Хуже нету того дела,
Как гармонщика любить,
Хоть какая непогода,
Надо слушать выходить.
Гармониста я любила,
Не попала за него,

Не хватило капиталу
У папаши моего.

Задевали свекра, свекровушку и тещу:

Круглый дом, круглый дом,
Домик деревянный,
Там свекровка-сатана,
Свекор окаянный.

Ох, теща моя,
Теща ласковая,
За волосики меня
Все потаскивала.

Кабы знать, кабы знать,
За кем замужем бывать,
Я ходила бы свекровушке
Капусту поливать.

Расходились за полночь. Тысяцкий и свахи утром будили молодых. Наступал завершающий этап свадьбы.

Баня

В Ильине, Дружинине, Саламатове о бане заботился тысяцкий. До света он натаскивал воды, замачивал венники, готовил пар. В Самохвалове и Ирюме этой работой занимались свахи. Пока будили молодых, баня остывала без присмотра, чем пользовались мужчины и парни. Они заскакивали в баню и прятались под пол.

По тканой дорожке молодые направлялись в баню, что притягивало все село. На баню молодых шли и старики тянулись от крыльца до бани. Лента яркой дорожки в руке, рядышком. Впереди них на кочерге или помеле скакала свекровка, вымазанная страшнее черненького, одетая в лохмотья или в вывернутую шубу. Кругом кричали, прыгали, свистели, смеялись, били

в заслонки, орали срамное. В этом гвалте одна свекровь сохраняла серьезное выражение и только подсакивала выше. Проводив молодых, она возвращалась домой, а баня чуть только ходуном не ходила. Парни и мужчины, выскочив из-под полка, плескали на молодых водой, снегом и выскакивали, вырывая веник, с которым стоял на карауле тысяцкий, и распаивали дверь в баню. Тут же еще кто-то, кто «понахальнее», врывался в баню, осыпая снегом молодых. По крыше и стенам бани стучали брошенные комья снега, навоза, льда. «Баня — это только одно слово. Какая баня, когда не разболкались даже вовсе?» — пояснила А. А. Пермякова.

Из бани молодые шли под одной шубой или шалью, накрывшись с головой. «Сколько миру, стыдно же от людей, вот потому и накрывались с головой», — растолковывают старожилы. В Самохвалове баню топили и охраняли свахи.

После бани молодая наряжалась и выходила с мужем к гостям, уже ждавшим их. Ее подводили под благословление. Молодая, стоя перед свекровью, проносила:

- Мамонька, благословите веник взять.
- Господь благословит, дочушка.
- Мамонька, благословите сор мести.
- Господь благословит.

Благословение молодой

Будь сын отделен, его жена на утро после свадьбы была бы хозяйской. Но много воды утечет в Ирюме, прежде чем он отделится. А до того времени в доме «не сам он большой, не сам большеделия положение больше его. Они-то во многом определяли положение родившейся семьи, и особенно положение молодой. Хотя жизнь в новом доме не баловала молодую, сокрушала не работа, а забота. Известно, у каждого

города свой нор, у села свой обычай, у каждого дома свои порядки. Ко всему приоровись, носи свою голову поклонно, держи себя покорно. Но самое унижительное — обычай благословляться. Он так и напоянал, так и напоинал: «Подневольная». За что ни возмись, все кричи дедоньке, бабоньке, тятеньке, мамоньке: «Благословите...». Плевое дело — дрова принести, и то не забыть бы: «Дедонька, благословите, я по дрова побежала». Бабье дело квашню заводить, давай к тятеньке: «Тятенька, благословите квашню заводить». Своего ребенка купать, тоже благословляйся. Зорки глаза у старших. Дед на ладан дышит, но сидит на печи, что собака на цепи. Уж он-то спуска не даст, если увидит, что обошла молодая благословение. «Ишь, волю взяла!» Какая воля? Забегалась, забыла. Однако напоянат, чтобы не забывала. Неблагословленная работа разрушалась в прах.

М. Я. Неустроев вспомнил, как жаловалась его тетка на деда своего мужа спустя годы. Давно дело было, а на всю жизнь запомнилось. Уж очень он ретиво следил за молодой, чтобы из его воли не выскочила.

Забегалась за день женщина, схватила ведра и побежала коров доить. Ведра были деревянные, их и без молока еще надо поднять. Подоила, внесла в дом два ведра, забыв про благословение у деда, который сидел на печи. Она забыла, а он нет.

— Ну-ко, внучек, возьми молоко и вылей на двор, не благословлено оно.

Молодой взял ведра и, вылив молоко, зашел в дом.

— Ну-ко, внучек, возьми возжи да поучи-ко жену. Поучил, послушал деда. Обида у жены осталась до гробовой доски.

Сроки необходимости благословляться называются разные: год, пока ребенок не родится, пока не отделятся.

Обычай подводить молодую под благословение старообрядцы стремились держать крепко. Но среди

мирских он воспринимался как дикость, и попытка удержать его даже в 20-е годы не проходила. Так, в 1926 году в с. Обрядовка Притобольного района одна из властных фанатичек-старообрядок попыталась проявить свою власть над молодой из мирских, не желавшей благословляться. Баба Маремьяна зло опрокинула неблагословленные ведра с водой, которые принесла сноха из неблизкого конца. Так начиналась совместная жизнь. Сноха молча ушла домой, решив, что больше не переступит порог старообрядческой крепости. Вечером муж пришел звать ее назад. Пошла, ведра уже стояли с водой, а пол сухо желтел. Больше о благословении никто не вспоминал.

Заключительным обрядом в доме жениха было подметание сора. Обряд так и назывался.

Сор

Свекровь подавала веник невесте, чтобы та мела сор, а сама хватала подушку, бросала ее на пол и на подушке каталась по полу. Для сора гости несли солому, мусор. Молодая подметала, а родство с той и другой стороны на сор бросало подарки.

Управившись с сором, молодая уносила подарки, тысяцкий звал всех за стол. До песен дело, как правило, не доходило. Вся «художественная часть» заканчивалась столованьем.

После угощения гости расходились, а молодые собирались на отводины, или «похмельный стол».

Отводины

Отводины — отгостки в доме тестя. Теща пекла блины, перевивала их так, чтобы проверить сообразительность зятя. Блины ставились перед зятем: «Зятюшко, дорогой, поешь тещины блины». Весь секрет состоял

в том, чтобы не разорвать блины, а аккуратно развернуть их.

Если кто-то из родственников звал молодых и их родителей в гости, то торжество продолжалось. Если никто не приглашал, то на этом свадьба заканчивалась, начиналась жизнь с буднями и праздниками, работой и отдыхом, радостями и печалью. Одним словом, жизнь. Молодой еще предстояло готовить приданое.

Приданое

Хотя приданое не было предметом вздыханий женихов и занудного торга во время просватки, все-таки каждая невеста стремилась выйти замуж с «глухотой» — приданым, чтобы не было повода слушать возможные попреки. На чужой роток не накинешь платок, возьмут да и попрекнут: «Ни пряха, ни ткаха, немытая рубаха». Хотя, конечно, были бесприданницы-безобманницы. А всего-то насчитывалось у них богатства: у рук, у ног пальцев по две дюжины без мала — только четырех не достало. В первые годы жизни в новой семье молодая, как правило, подарков от свекра и свекрови не увидит. У молодого своих денег тоже не водилось, так как всем распоряжался тятенька, если не взяла большую мамоньку. Так что, девка, собирай глухоту. Какую-то часть приданого запасали, когда невеста под стол пешком ходила. От поколения к поколению наказывали матери дочерям: «Невеста в колыбельке, а приданое в коробейке».

Приданое давало возможность первые пять лет жить безбедно, не заглядывая свекровушке в глаза. Что-то не изнашивалось и передавалось дочерям в приданое. Оно складывалось в «глухоту» — деревянный сундук, окованный железом. Наружные стенки его и крышка стягивались железными тонкими полосками шириной сантиметра в два. Полоски одновременно служили и

украшением сундуку. Снаружи сундук красился масляными красками. Крышка изнутри изукрашивалась разными рисунчатыми бумажками.

Покупали сундуки, как и некоторые товары к свадьбе, на Ильинской (Крестовской) ярмарке, что недалеко от Шадринск-городка. Там только мамоньку с тятенькой нельзя было купить, все остальное можно. Воза хлеба, горшков. Мясо высылось прямо на прилавках. Разная домашняя и дворовая утварь. У матерей и невест глаз выхватывал иное. Тут и шелк, и ботинки с калошами, и чулки матерчатые, и тонкий узорчатый материал на рукава. Тут бусы, румяна, гребенки, ленты, тонкие узенькие кружева, иголки, нитки. Купцы готовы в свои лавки силком затянуть, потому что товаров видимо-невидимо. Народу — глазом не окинуть. Всё гомонит, божится, нюхает, щупает, разглядывает, приценивается, продает, покупает, радуется, вздыхает. Галдят свои цыгане и цыганки, шумит балаган. Того и гляди, голова закружится, но все-таки выбирали то, что нужно, то, что не сделать своими руками.

Первая забота — одежда для самой себя. Для мужниной семьи ничего не справлялось, ничего не дарилось. И без того даровую работницу в дом вводили и спрашивали с нее, как с работника.

Одежды столько складывали в глухоту, чтобы и в поле, и в доме, и в пир, и в мир, и в добрые люди. Худобедно, а сарафана три надо. Лямочников тоже справляли не меньше, а к ним несколько рукавов. Конечно, ляли не меньше, а к ним несколько рукавов. Конечно, можно носить рукава то с одним, то с другим лямочником, но лучше, если смена есть. На лямочники по 8 точек гнали. Потом, когда старинная одежда вышла из моды, из каждого лямочника мастерицы шили по два платья с длинными рукавами. Выручали лямочники в войну, да и позже тоже.

Складывались в глухоту домашнего льна рубахи. Почетное место отводилось кашемировой шали, полу-

шалкам, сорокам покупного шелка. Они не только закрывали волосы, но и украшали голову. Находилась уголок для чулок, носков, варежек, запонов. Ботинки с калошами запасали ближе к свадьбе, чтобы нога не переросла их.

Кто побогаче, справлял пальто и плюшевый сак — приталенное, отрезное по талии полупальто. Победнее останавливались на чем-нибудь одном. На каждый день шились тулупчики. Навык шитья шуб в Поирюмье был основательный. Дело в том, что здесь пустил корни шубный промысел купца-предпринимателя, поставившего не одну мастерскую, в которых по найму работали девушки-швей. Как выпадал снег, так и начинали скрипеть полозья: подвозилась овчина. Мужчины-мастера вели раскрой, а девчонки шили, не разгибаясь, включая и ночи, при копилках. Только иголки сновали в ловких руках. Так зарабатывали на приданое. Платили в мастерских сносно, поэтому не садились девушки за тонкое, деликатное, требующее много времени плетение на коклюшках.

В приданое давали тулуп — необходимую вещь, если будет нужда ехать куда. Не забывали пимы, да не одни.

Думали о будущем ребенке, поэтому готовили трубы льна.

По обычаю, за молодой значилось убранство для дома. Другое дело, что кто-то больше привозил, кто-то меньше. Оно было, в основном, домашнего вязания, плетения, вышивки, ткачества. В первую голову, пряжи. Выручали веретено и овца. Это недавно стали входить в моду прялки-колеса, но «старуньям» до сих пор ловчее веретено. Краски для белой шерсти давала сама земля. Из кожуры свеклы получался нелиняющий свекольный цвет. Луковая кожура красила в красно-

кирпичный, а цветы пижмы в желто-зелено-коричневатый. Покупалась «куксиновая» (цвет фуксии) краска, голубая и ярко-красная.

Жизнь продиктовала цвет ковра. Основным тоном утвердился черный — удобный, немаркий. Он не отгорал, не линял, не пачкался, хотя топились печи с сентября по май. Хорошо чистился такой ковер на снегу.

Свадьба определила узор ковра. В центре располагался розан — букет цветов. По углам тоже бросалось по небольшому букетику. Рисунок говорил о золотых руках невесты, о ее молодости, любви. Он перекликался с розаном из песни и с розанцами на свадебном столе.

Не выходили замуж без дорожек-половиков. Ткали их по несколько стен, а стена-то по восемь метров. Накрутится в руках веретешко, пока на одну стену не прядешь! Зато уж и красота выходила! Теплые, мягкие (опять спасибо овце), положенные одна к одной, они утепляли пол. Хотя узоры будто и повторялись, но каждая ткачиха вносила что-то свое. Легче и быстрее управдалялись с дорожками, ткаными «тенями», когда выкладывался ведущий цвет по убыванию. Скажем, от зеленого до бледно-желтого, от вишневого до бледно-розового. Ровные отрезки набранного цветового шага повторялись по всей длине трубы. Более сложный рисунок — выкладное зубчатое многоцветное «солнышко».

Особая статья — утирки и полотенца. Утирки для повседневного умывания, а полотенца — для украшения горницы. Полотенца — это целиком женская забота от посева льна до вышивания. Сеяли только женщины и девушки, раскидывая по полю семена и вместе с ними с вечера сваренные куриные яйца. В соседнем Белозерском крае так и вовсе «чудили»: девки и бабы телешом по полю ходили, тоже смешивая посевной лен с яйцами. Уродится лен, принесет много хлопот: дер-

гать, мочить, сушить, мять, прясль, ткать, белить, шить. Много работы, зато легкий, ноский. Дорого, да мило.

Полотенец припасали до десятка, чтобы хватило на киот, зеркало и на все простенки между окон. В будние дни полотенца с простенок убирали, но в праздники вывешивали все, даже по три в один простенок, вывернув как следует узор на показ. Узор подглядывали на старинных полотенцах. На концах одних полотенец по выдерганной и обвитой клеточками нитяной сеточке вышивались петушки, глядевшие друг на друга и похожие, как братья-близнецы. Кому-то нравилось другое — веточка рябинки. Расцветали стены от красной и черно-красной вышивки крестом. Хитрыми глазами поглядывали петухи, пламенели рябина, «ягода» (клубника). Над узором многие любили поставить свою метку — первые буквы от имени и фамилии.

Клали в «глухоту» по меньшей мере три скатерти-филейки. Филейка-вышивка по плетеной сеточке. Работа эта спорая. Из обыкновенных простых ниток плелась сеточка по типу рыболовных сетей. Плести ее начинали с уголка по диагонали, отчего ячейки не тянулись. Готовую сеточку натягивали на пяла и выкладывали узор. На будние дни готовили скатерть с черной «землей» и красной вышивкой. На небольшие праздники полагалась другая скатерть, отличавшаяся от будничной цветом. Скажем, зелень по зелени, тенями, синим по черному. Самые нарядные скатерти предназначались для светлых праздников. Одни из них переливались многоцветьем, другие снежно белели.

Цветные скатерти вышивали гарусом, а белые бу-мажной нитью, чтобы можно было отбелить в щелоке, выморозить на солнце.

Орнамент вышивки разнообразен. Каждая мастерица могла выбрать себе по вкусу, но все-таки не отходя далеко от тех образцов, которые бытовали в округе. Больше всего привлекал цветочный орнамент. На од-

них скатертях по краям вился веночек из скромных цветов. Зато поле усеено семенами.

На других рисунок был крупным. Из углов к середине упруго тянулся стебель с тяжелыми листьями и большими цветами.

Немного меньшим вниманием пользовались геометрический и растительно-геометрический орнамент.

Филейная вышивка — не только скатерти, но и разные накидушки и покрывала на кровать.

Под филейки подводились льняные белые настольники — тканые скатерти старинных узоров с солнышками, ромбами, квадратами, треугольниками, стрелами. По рисунку с ними перекликались шерстяные настольники, выложенные тенями от красного с черным до алого.

Особая забота — постель: перина, подушки, одеяла, простыни, подзорники, покрывало, наволочки с прошвами собственноручного кружева, полог — прикроватный занавес. Да еще разная мелочь: наквашенники и подзалавочники из холста. Любили старообрядцы порядок, все должно быть, по их правилам, закрыто. К тому же правило велело: «Не каждому показывай, что там у тебя под лавкой, какие горшки-черепки».

Насундучники и назалавочники ткали из овечьей шерсти. Хорошо, если молодая привозила ткань на мешки.

Хотя что-то из приданого припасалось заранее, оно в основном готовилось после свадьбы. В первую неделю великого поста молодая возвращалась к родителям готовить свое приданое. Приходили женщины по ее родству и помогали прясль, ткать, шить, вышивать, вя-зать, плести. В один из дней мать давала дочери «поясок» — посиделок с работой в первой половине дня и угощением — во второй. Приходившие женщины по-могали готовить глухоту и все спрашивали молодую,

как её мужа зовут, пока она не называла его по имени-отчеству.

Когда приданое было готово, приезжал зять на своих конях. Выносили глухоту и везли к нему в дом. Высыпал народ на улицу, оповещенный о привозе приданого. «Глухоту везут, глухоту везут», — перекачивалось по селу. Молодая и мать развешивали приданое на показ любому, кто захочет прийти посмотреть.

Бывало и так, что приданое брали у родственников на прокат, чтобы не ударить в грязь лицом. На показе получалось всего полным-полно, а потом уж и не видел никто, куда что девалось. Будто и не было.

Молодые

Первый год семейной жизни муж и жена назывались молодыми. Жили они с родителями. Как правило, через год их отделяли, отдавая нижний этаж или «помочью» ставя дом.

По неписаным законам молодые обязаны были посещать села всей округи на престольные праздники. Ждали их и на ярмарках. Родители давали коней, кошеву. Молодые украшали свою повозку и отправлялись на праздник, катаясь по всем улицам. Для любого села считалось очень почетным большое количество посетивших их молодых пар. Родные ли, седьмая ли вода на киселе, все равно широко раскрывали ворота, когда подкатывала нарядная пара. Коней заводили во двор, а мужа с женой не знали, куда посадить и чем угостить.

На селе считали, сколько проехало в этом году пар. Если больше, чем в прошлом году, то радовались, как большой удаче. А если меньше, то огорчались. Ждало село и еще один праздник.

«Каралишно воскресенье»

В первое воскресенье великого поста (после масленицы) теща ехала навестить зятя с дочерью. Ехала она не с голыми щеками для поцелуя, а с большим запасом «каралек» и подарком зятю — рубашкой.

Каральки — это стряпня из кислого теста. Пекли их так много, что порой только и умещались, что в три короба. Замесить, выкатать, украсить такую уйму стряпни одной не под силу. Выручали женщины по родству и близкие подруги. Работа весело шла, если у дочери сложилась жизнь хорошо. Кому-то и всплакнуть приходилось. Но в любом случае с каральками следовало ехать. «Каральки» — название условное, так как пекли не только баранки, но и украшенные пироги. Поезжанам, приезжавшим «по невесту», преподносили особые каральки — круглые, украшенные винным тестом, в два-три яруса, унизанные цветными кругляшками конфет. А как же? Были на свадьбе, счастай, родня.

Каралькой выделяли тысяцкого за его многотрудные заботы. Ему пекли пирог в форме шляпы, тоже украшенный и с необычной начинкой. Получив подарок, тысяцкий разламывал его у себя на голове. Нитки-начинка падали ему на лицо, затылок, плечи, грудь, что вызывало возгласы, смех, радость.

Большая часть, так сказать, рядовых каралек раздавалась односельчанам молодого, которые высыпали на улицы встречать каральки. Даже матерые мужики перегораживали жердью дорогу приехавшей чьей-то теще, чтобы угоститься каральками, хотя дома выпечены и хлеб, и шаньги, и разная постная стряпня. А им, как детям, подай чужие каральки, и все тут.

Теща, доезжая до зятя, коробка уже порастрясала, но именнные пироги доставались только по назначению. Одаривалось все новое родство, зять с дочерью.

К тещиному приезду зять готовился, чтобы не по-
пасть впросак. Он точил веретена. Чем сильнее любил
жену, тем больше точил веретешек.

Отгостив день-два, теща возвращалась домой, на-
путствуя родное дитяtko: «Ты носи платье, платье скла-
дывай, ты терпи, не сказывай».

Хотя и высоки заборы в двоеданских дворах, вести
не лежали на месте. Жизнь за воротами и толстеными
бревнами складывалась по-разному. Одни молодухи в
огне горели. Недавние дроли оказывались лютыми дра-
чунами. «Мода такая была: раз, раз, ни за что ни про
что излупцует мужик жену», — сокрушается А. А. Пер-
мякова.

— А за что меня бить? — изумляется К. С. Мокина.
— Нет, меня берег мой хороший. А могила его — не
знаю где: погиб в войну. Он мне пальцем не погрозил,
дурного слова не сказал. Детей хороших прижили. Нет,
не все лютовали, больше хорошо жили, по любви.
Милее всего, кто любит кого.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Сырой бор горит, — Александра Ф. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 27—28. Записала Федорова В. П.
2. Как во нашей во — Ваганова Д. П. — Коллекция «Ильино-1987», с. 7. Записала Федорова В. П.
3. Сидел наш Яшенька — Ядрышникова З. В. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 135—136. Записала Федорова В. П.
4. Это что за диковинка? — Леонтьева Е. Е. — Коллекция «Ильино-1986», с. 73. Записала Федорова В. П.
5. Это где-то стара баба живет? — Зырянова Е. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 73. Записала Шихова М.
6. Это чьи такие молодчики? — Зырянова Е. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 70. Записала Шихова М.
7. Да это чьи такие девчоночки? — Зырянова Е. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 70. Записала Шихова М.
8. Ты, шкатулка, шкатулка моя — Зырянова Е. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 97. Записала Федорова В. П.
9. Да уж ты, камка, ты камка моя — Бессонова У. Я. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 97. Записали Прорубщикова Н. и Голубева Е.
10. Сплю я, сплю я, во сне вижу — Неустроева Е. Г. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 105. Записала Федорова В. П.
11. Возле окон милый ходит — Ядрышникова З. В. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 104. Записала Федорова В. П.

12. Растет верба на — Бессонова У. А. — Коллекция «Са-
меже — мохвалово-1985», с. 97. Записала
Прорубщикова Н.
13. Я бегу, бегу до — Ядрышникова З. В. — Коллекция
кузенки — «Самохвалово-1985», с. 104. Записа-
ла Михайлова М.
14. Мой миленький — Зырянова Е. И. — Коллекция «Са-
мал, да удал — мохвалово-1985», с. 71. Записала Фе-
дорова В. П.
15. Девки по полу хо- — Неустроев М. Я. — Коллекция «Са-
дили — мохвалово-1985, с. 105. Записала Ми-
хайлова М.
16. Никанор Третья- — Бессонова У. А. — Коллекция «Са-
ков — мохвалово-1985», с. 98. Записала Го-
лубева Е.
17. Девки по полу хо- — Неустроева Н. М. — Коллекция «Са-
дили — мохвалово-1985», с. 105. Записала
Голубева Е.
18. Мы сеяли, сеяли — Александрова Ф. И. — Коллекция
ленок — «Самохвалово-1987», с. 107. Записа-
ла Федорова В. П.
19. Вечор на капустку — Леонтьева Е. Е. — Коллекция «Ильи-
но-1986», с. 74. Записала Федоро-
ва В. П.
20. Сватушко, сва- — Хор. р. п. «Стеклозавод» Белозер-
тушко — ского района. — Архив Федоро-
вой В. П., запись 1990 г.
21. За двором, за — Александрова Ф. И. — Коллекция
двориком — «Самохвалово-1985», с. 53. Записала
Чернова Н.
22. На полатах-от му- — Гордиевских А. З. — Коллекция
жик — «Самохвалово-1987», с. 50. Записали
Федорова В. П., Подгорбунских Н. А.
23. Как у пана, у пана — Леонтьева Е. Е. — Коллекция «Ильи-
но-1986», с. 66. Записала Федоро-
ва В. П.
24. Я когда была ма- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
лешенька — мохвалово-1986», с. 129. Записала
Федорова В. П.

25. Ты вставай-ко, го- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
лубушка — мохвалово-1986», с. 121. Записала
Федорова В. П.
26. Ты зайди, родима — Гордиевских З. Г. — Коллекция «Са-
мамонька — мохвалово-1986», с. 91. Записала
Федорова В. П.
27. Да ты сердечное — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
мое дитятко — мохвалово-1985», с. 131. Записала
Чернова Н.
28. Да вставай-ко, го- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
лубушка — мохвалово-1985», с. 120. Записала
Федорова В. П.
29. Вставай, вставай, — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
моя голубушка — мохвалово-1985», с. 121. Записала
Федорова В. П.
30. Вставай, наша по- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
друженька — мохвалово-1985», с. 121. Записала
Федорова В. П.
31. Собирайся-ко, по- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
друженька — мохвалово-1985», с. 122. Записала
Федорова В. П.
32. Ты пожалуй-ко, — Ваганова Д. П. — Коллекция «Ильи-
подруженька — но-1986», с. 90. Записала Федоро-
ва В. П.
33. После нашего бы- — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
ваньица — мохвалово-1985», с. 123. Записала
Федорова В. П.
34. Ой, снаряжала — Александрова Ф. И. — Коллекция
Фросю мамонька — «Самохвалово-1985», с. 89—90. Запи-
сала Федорова В. П.
35. Ты зайди, родима — Огаркова М. А. — Коллекция «Са-
мамонька — мохвалово-1985», с. 85. Записала
Федорова В. П.
36. Да ты-от сидела — Огаркова М. А. — Коллекция «Са-
под окошечком — мохвалово-1985», с. 85. Записала
Федорова В. П.
37. Раздумай, мое — Горбунова М. С. — Коллекция «Са-
дитятко — мохвалово-1985», с. 131. Записала
Федорова В. П.

38. Много, много у — Гордиевских З. Е. — Коллекция березоньки «Ильино-1986», с. 93. Записала Федорова В. П.
39. Ягодка на веретейке — Ваганова С. Е. — Коллекция «Ильино-1986», с. 95. Записала Федорова В. П.
40. Ягодка на веретейке — Емельянова Е. А. — Коллекция «Ильино-1986», с. 99. Записала Федорова В. П.
41. Да ты, родимая моя доченька — Мокина К. С. — Коллекция «Ильино-1986», с. 86. Записала Федорова В. П.
42. Кони-то бегут — Горбунова М. С. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 49
43. Вот и грянул гром — Горбунова М. С. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 149. Записала Кунакова М.
44. Вьюн над водой — Горбунова М. С. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 126. Записала Кунакова М.
45. Кто-то бьется-колотится — Ваганова Д. П. — Коллекция «Ильино-1986», с. 100. Записали Солопова И., Белощевская Е.
46. У нас тысяцкий богатенькой — Маркова М. А. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 165. Записали Федорова В. П., Голубева Е.
47. Кто у нас хороший? — Кремлева А. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 102. Записала Теплоухова Е.
48. Кто у нас хороший? — Горбунова М. С. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 102. Записала Чернова Н.
49. Чапушки — Александрова Ф. И. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 152—155. Записали Михайлова М., Голубева Е., Теплоухова Е.
50. Приехала свашенька неспесивая — Вяткин С. П. — Коллекция «Самохвалово-1987», с. 123. Записал Подгорбунских Н. А.

51. Собирайся-ко, но-ва гостенька — Вяткин С. П. — Коллекция «Самохвалово-1987», с. 123. Записал Подгорбунских Н. А.
52. Уж ты врешь, ты врешь, курва-свашенька — Вяткин С. П. — Коллекция «Самохвалово-1987», с. 123. Записал Подгорбунских Н. А.
53. Что вчор перепелочка — Горбунова М. С. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 119. Записала Федорова В. П.
54. Да летел-сполетел сокол из-за гор — Ваганова Д. П. — Коллекция «Ильино-1986», с. 96. Записали Белошавская Е., Костюнина И., Солопова И.
55. У Михайла-архангела — Ядрышникова З. В. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 168. Записала Чернова Н.
56. Кто у нас хороший — Ядрышникова З. В. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 166. Записали Чернова Н. и Теплоухова Е.
57. У нас тысяцкий богатенький — Маркова М. А. — Коллекция «Самохвалово-1985», с. 165. Записала Федорова В. П.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ

1. Александрова Филисата Ивановна, 1926 г. р., малограмотная, с. Самохвалово.
2. Бессонова Устинья Афанасьевна, 1910 г. р., малограмотная, с. Ирюм.
3. Ваганова Дросида Полуэктовна, 1909 г. р., малограмотная, с. Дружинино.
4. Вяткин Сергей Прокопьевич, 1914 г. р., малограмотный, с. Помалово.
5. Горбунова Мария Степановна, 1908 г. р., малограмотная, с. Самохвалово.
6. Гордиевских Анна Захаровна, 1901 г. р., малограмотная, с. Самохвалово.
7. Гордиевских Зоя Ефтодьевна, 1908 г. р., малограмотная, с. Ильино.
8. Зырянова Екатерина Ивановна, 1915 г. р., малограмотная, с. Спасское.
9. Емельянова Евдокия Андреевна, 1921 г. р., малограмотная, с. Ильино.
10. Кремлева Авдотья Никифоровна, 1910 г. р., малограмотная, с. Самохвалово.
11. Леонтьева Екатерина Екиндиновна, 1921 г. р., малограмотная, с. Ильино.
12. Мокина Капа Самоновна, 1904 г. р., малограмотная, с. Ильино.
13. Неустроев Михаил Яковлевич, 1915 г. р., малограмотный, с. Самохвалово.
14. Неустроева Ефросинья Григорьевна, 1924 г. р., образование 7 кл., с. Самохвалово.
15. Огаркова Мелодора Афанасьевна, 1915 г. р., малограмотная, с. Спасское.
16. Ядрышникова Зиновья Васильевна, 1909 г. р., малограмотная, с. Самохвалово.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Аршин — мера длины

Баба — бабушка

Баскбй — красивый

Большинá — главенство в доме

Ббля — любимый

Ббяры — гости свадьбы

Вечбр — вчера

Выть — причитать

Вьходка — статья, умение плясать

Гáрус — шерстяная нить

Глухотá — сундук с приданым

Глызы — смерзшиеся комья навоза

Гóрница — передняя комната в доме

Гребелочка — гребеночка

Грубьянка — соперница

Грядой — грядка

Дёверь — брат мужа

Дёвья красота — чистота, девичество

Дивовáться — любоваться

Дрбля — любимый

Духовáйтое мыло — туалетное мыло

Запón — фартук

Зарéзать (трубу) — отрезать

Заслбнка — металлическая крышка для отверстия в печи

Знáть и т. д. — владеть магической силой

Калым — плата за невесту

Кáмка — дорогая узорчатая ткань

Кѡба — старая дева, почитаемая как духовная тетя
Коренной — главный
Косѣщетое оконце — окосяченное окно
Кошева — поставленный на сани нарядный короб
Круг — вокруг
Кузенка — кузница
Куть — часть кухни у предпечья
Литѡвка — коса
Малѡшка — летняя кухня
Молчанѡ — свадебные чины, вестники того, что невеста подготовлена к приезду жениха
Муравлены — покрытые глазурью
Мыленка — баня
Надолба — невеста-перестарок, предлагаемая открыто женихам
Наперѡд — впереди
Неоткуль — неоткуда
Новина — новость
Нѡчь — ночью
Пѡлист — веточки с листьями
Пѡруша — баня
Перепѡлѣться (переперѣться) — чистить перья
Пѡсельница — песенница
Пѡлог — прикроватный занавес
Пѡлѡк — поднятый в бане настил для пареня
Пѡрѡченое мѡсто — подвергнутое злой магической силе
Пѡсѡдок — вечер или день, отведенный для работы над приданным
Пѡчитѡй — почти
Прѡстѡльный праздник — христианский праздник села
Разболѡкѡть — раздевать
Рѡдствѡ — родня
Рѡзанцы — хворост в форме цветов
Рѡчкѡться — здороваться за руку
Сѡк — полупальто с отрезной талией
Сѡдѡлѡть — напустить злую магическую силу
Сѡльница — лоток для муки

Сидѣть — проявлять знаки любовного внимания
Скамей — скамейка
Скѡть ногами — перебирать ногами
Скрѡстки — перекресток
Сстонѡть единого — вскрикнуть, простонать
Сѡрѡба — головной убор замужней женщины
Сѡбро — скоро
Срѡдѣть — нарядить
Супѡрик — кольцо с камешком
Супрѡтив — против
Тѡлѡшѡм — нагишом
Тѡча — полотнище
Трубѡ — рулон
Трубѡя — труба
Увѡжѡть — любить
Урѡчить — напустить глазами порчу
Фѡй — шелк
Фѡйник — шелковое платье или сарафан
Фѡйшѡнка — косынка или шарф плетеного кружева
Хѡрѡктерный — непокладистый
Хѡять — чернить, давать плохую оценку
Шѡшмурѡ (шамшура) — головной убор замужней женщины
Шутѡть — напускать порчу
Чѡлѡ — отверстие в русской печке
Чѡрѡд — порядок
Чѡрненький — черт
Янѡться — задаваться, чваниться
Ярѡбе — солнечное, золотое

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Быт и нравы Поирюмья	6
Знакомство молодежи	14
Гадания	19
Вечерки	23
Надолблиця	37
Свадьба убёгом	42
Свадьба добром	53
Сватовство	53
Утро свадебного дня	62
Баня	64
Сборы невесты	68
Косокрашение	70
Утро в доме жениха	81
Встреча поезда	83
Встреча поезда от венца	99
«Подбабливание»	100
Столованье	101
Баня	101
Благословение молодой	104
Сор	105
Отводины	107
Приданое	107
Молодые	108
«Каралишно воскресенье»	114
	115
Именной указатель	117

Валентина Павловна Федорова

СВАДЬБА НА ИРЮМЕ

Редактор В. С. Меньшиков
Фотографии А. А. Рыжкова
Художник О. В. Конюхова
Художественный редактор Т. А. Спивак
Технический редактор Т. В. Анохина
Корректор С. М. Кадошникова
ИБ № 1745

Массово-политическое издание

Сдано в набор 12.06.90. Подписано в печать 22.03.91.

Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2.

Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная.

Усл. п. л. 5,6+вкл. 0,7. Усл. кр.-отт. 8,75.

Уч.-изд. л. 5,84+вкл. 0,57.

Тираж 5000 экз. Заказ № 3460. Цена 1 р.

Южно-Уральское книжное издательство, 454113,

г. Челябинск, пл. Революции, 2. Миасское производствен-

ное полиграфическое объединение, г. Миасс, ул. Рома-

ненко, 91

Челябинск
Южно-Уральское
книжное издательство
1991